

ПОДДЕЛЬНОЕ ЧУДО

АРИНА САЙРОВА

Арина Сайрова

Поддельное чудо

«Автор»

2026

Сайрова А.

Поддельное чудо / А. Сайрова — «Автор», 2026

Охотница за поддельными чудесами Мира Лест умеет проверять металл, печати и след силы, но её собственная репутация держится на праве никогда не признавать ошибку. Когда лицо младшего брата начинает превращаться в лицо казнённого отца, Мира узнаёт: в Ларене наследникам передают не только долги, но и чужую вину, а признания бедняков тайно питают городские реликвии. Чтобы спасти брата, Мира должна разоблачить цех, от которого зависят лечебницы, мосты и защитный купол. Но разрушить полезные чудеса проще, чем заменить их честными. Ей придётся открыть собственные ошибочные заключения, отказаться от ремесла, которым кормится семья, и доказать, что настоящая сила признания принадлежит тому, кто совершил поступок и сам выбрал способ исправления. Самостоятельный детективно-фэнтезийный роман о цене безошибочной репутации, праве не наследовать чужую вину и чудесах, которые становятся настоящими только после честно названной цены.

© Сайрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Икона, которая не греет	6
Глава 2. Лицо отца	14
Глава 3. Охотница с печатью	22
Глава 4. Признание кузнеца	32
Глава 5. Три обещания вещи	40
Глава 6. Первая ошибка Миры	48
Глава 7. Лавка чужого стыда	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Арина Сайрова

Поддельное чудо

От автора

Ошибаться неприятно. Признавать ошибку ещё труднее, особенно если от нашей уверенности зависят заработок, уважение и спокойствие близких. Но признание может стать не наказанием и не публичным унижением, а началом точного действия: назвать, что сделал, увидеть последствие и исправить то, что ещё можно исправить.

В мире этой книги такая связь стала зримой магией. Человеческое признание даёт силу чудесным вещам, а неоплаченный долг способен перейти наследнику вместе с лицом умершего. Это история не о том, как избавиться от всякой ответственности. Она о границе между ответственностью и чужой виной, между полезной вещью и ценой, которую её владелец предпочёл не замечать.

Здесь нет безошибочных героев и бесполезной правды. Каждое настоящее чудо начинается с вопроса: кто назвал цену, кто её платит и может ли этот человек отказаться.

Глава 1. Икона, которая не греет

Медь была холодной.

Мира Лест держала ладонь над ликом святой Тавии уже третью минуту и чувствовала только сквозняк из плохо пригнанной рамы. В молельной комнате пахло воском, мокрой шерстью и яблочной кожурой. За дверью топтались слуги, которым приказали не входить, пока проверяющая не закончит работу. Хозяин дома, купец Оршан, стоял у окна и старался дышать так, будто ему всё равно.

— Ещё долго? — спросил он.

— Пока вещь не сделает то, за что вы заплатили.

— Она делала. Всю прошлую зиму.

Мира не ответила. Она отняла руку, вытерла пальцы о серую рабочую юбку и поднесла к иконе тонкую полоску писчей бумаги. Бумага не дрогнула. Если бы между медным ликом и задней доской шёл нагретый воздух, край поднялся бы хотя бы на толщину ногтя.

Икона была высотой в локоть, тяжёлая, с тремя цеховыми пломбами на обороте. По словам Оршана, она должна была согреть комнату всякий раз, когда человек у очага честно признавал ошибку, совершённую против семьи. Удобное домашнее чудо для богатого дома: согрешил, покался, заодно сэкономил на дровах.

Мира не любила вещи, в которых добродетель обещали вместе с удобством. Обычно первым оказывалось поддельным одно, вторым — другое.

Она раскрыла футляр. В верхних гнёздах лежали весы, лупа, пузырёк уксуса, катушка серебряной нити и четыре иглы. В нижнем отделении — её печать проверяющей, завёрнутая в красную ткань. Печать она пока не доставала.

— Кто признался сегодня? — спросила Мира.

Оршан посмотрел на дверь.

— Какая разница?

— Если хотите заключение, разница есть.

— Моя жена. Сказала, что потеряла письмо сестры и соврала, будто оно не приходило.

Икона не нагрелась.

— Письмо нашли?

— При чём здесь письмо?

— Признание должно называть последствие и исправление. Если ваша жена только сказала, что солгала, силы могло не возникнуть.

— Она извинилась.

— Это не всегда одно и то же.

Купец отвернулся. На стекле рядом с его плечом дрожали дождевые струйки. Дом стоял на Скобяной улице, в двух кварталах от цеховой башни, и над крышами виднелся её медный купол. В ясные дни он сиял, словно новая монета. Сегодня был цвета старой крови.

Мира сняла икону с настенных крюков. Оршан подался вперёд, но удержался от возражения. На задней доске стоял знак мастерской Зольта: птица с разомкнутым клювом. Под ним — три пломбы Реестра остатка. Первая удостоверяла металл. Вторая — обещанное действие. Третья — законность вложенной силы.

На вид всё было чисто.

— Поставьте на стол свечу, — сказала Мира.

— Вам мало двух?

— Нужна незажжённая.

Оршан позвонил в колокольчик. Вошла служанка с такими красными руками, будто всю ночь полоскала бельё в ледяной воде. Она поставила новую свечу и невольно взглянула на икону.

— Ты вчера была здесь? — спросила Мира.

Девушка замерла.

— Проверяющая разговаривает со мной, — сухо сказал Оршан. — Можешь ответить.

— Была, госпожа.

— Икона грела?

— От неё всегда тепло, когда госпожа просит прощения.

Оршан удовлетворённо кивнул. Мира посмотрела на служанку внимательнее.

— Всегда?

— Почти.

— Вчера?

— Я не знаю. Я принесла чай и ушла.

Девушка говорила быстро, но не испуганно. Скорее так отвечают люди, которые знают: любой лишний слог будет записан на их счёт. Мира отпустила её и зажгла новую свечу от старой. Затем прогрела в пламени одну иглу, другую оставила холодной. Обе приложила к воску на первой пломбе.

От горячей иглы воск пахнул можжевельником. От холодной — ничем. Правильный состав: пчелиный воск, древесная смола, толчёная хвоя. Подделать можно, но незачем. Первая пломба и правда была цеховой.

На второй пломбе горячая игла оставила чистую круглую ямку. Мира поднесла лупу. По краям знака «согревать» шли двойные бороздки. Кто-то поставил печать поверх прежнего оттиска, почти точно совместив линии.

— Когда купили икону?

— Три года назад.

— Новую?

— Разумеется.

— У кого?

— В лавке самого Зольта. Заплатил восемьдесят ларов. У меня есть расписка.

— Принесите.

Оршан нахмурился.

— Сначала скажите, что нашли.

— След старой печати. Возможно, доску использовали повторно. Возможно, меняли обещание. Расписка поможет понять, что именно вам продали.

Купец вышел сам, не доверив бумагу слугам. Как только дверь закрылась, Мира осторожно нажала ногтем на край задней доски. Та не поддавалась. Она простучала раму костяной рукоятью лупы. В четырёх местах звук был звонким, под правым нижним углом — глухим.

Мира улыбнулась без радости. У чудесных вещей были свои способы лгать, и большинство из них оказывались плотничьими.

Оршан вернулся с распиской. Бумага была настоящей, подпись Зольта — похожей на образец, сумма — именно восемьдесят ларов. Но в строке обещания значилось не «согревать комнату». Там было написано: «сохранять домашнее тепло».

— Красивые слова, — сказала Мира. — Непригодные для Реестра.

— Мне объяснили смысл.

— Кто?

— Приказчик.

— Имя?

— Он больше не работает.

— Имя всё равно было.

— Белан, кажется. Или Белар.

Мира положила расписку рядом с иконой.

— Чудо обязано обещать одно действие. Нагреть воздух до установленной меры. Не дать воде замёрзнуть. Поддержать жар в печи. «Сохранять домашнее тепло» может означать что угодно — от горячего супа до верности супругов.

— Я покупал обогреватель.

— Тогда вам продали не то, что записали.

— Но она грела!

— Это мы ещё проверим.

Мира размотала серебряную нить и обвела ею край медного оклада. Настоящий след признания отзывался на серебро слабым натяжением, словно нить помнила, что когда-то была струной. Поддельные вещи оставляли её мягкой. Опасные — дёргали резко и могли порезать палец.

Нить натянулась у нижнего правого угла.

Мира замерла.

Она повторила движение. На лбу выступил пот — не от тепла, а от необходимости признать, что простое заключение рассыпалось. Икона не грела. Обещание было намеренно расплывчатым. Пломба стояла поверх прежней. Всё указывало на дешёвую обманку, которой три года приписывали действие обычного очага.

Но внутри хранилась настоящая сила.

— Что? — спросил Оршан.

— Пока ничего.

— Нить натянулась. Я видел.

— Видели.

Мира достала тончайшую иглу с загнутым кончиком. Сломать реестровую пломбу без разрешения владельца она не могла. Зато могла проверить зазор между окладом и доской. Игла вошла под правый угол глубже, чем под остальные. Там скрывалась полость.

— Мне нужно вскрыть футляр.

— Нет.

— Тогда заключение будет неполным.

— Вы можете подтвердить неисправность без того, чтобы портить дорогую вещь.

— Могу. Но не происхождение силы.

Купец уставился на икону так, будто она слышала их разговор и могла обидеться.

— А если вы не соберёте её обратно?

— Соберу, если мастер не спрятал внутри ловушку. Если спрятал, обратно её собирать не следует.

— Восемьдесят ларов.

— Я помню.

— Вы заплатите, если ошиблись?

Обычный вопрос. Мира слышала его почти на каждой проверке. В договоре было написано: проверяющая возмещает прямой ущерб от небрежного вскрытия, но не стоимость незаконной вещи. Люди всё равно хотели услышать личное обещание.

— Если поврежу исправную законную икону по собственной ошибке, заплачу.

Оршан протянул руку и коснулся медного лика двумя пальцами.

— Вскрывайте.

Мира достала из футляра печать. На её рукояти темнели зарубки: по одной за каждый год права на ремесло. Девять зарубок. Она прижала знак к краю третьей пломбы, чтобы зафиксировать законное вскрытие, затем поддела воск нагретым ножом.

Пломба раскололась ровно пополам.

Ничего не произошло.

Это было хуже ожидаемого. Законная силовая пломба при разрыве должна была выпустить остаток: воздух пахнул бы железом, свечи вытянулись, серебряная нить звякнула. Здесь воск скрывал пустой медный кружок.

Мира сняла ещё две пломбы и выкрутила крепёж. Верхний винт был старым и стёртым. Нижний блестел новой гранью. Доска отошла, открывая неглубокую полость.

В ней лежала медная пластинка размером с детскую ладонь. На пластинке неровной рукой было выцарапано имя: «Нарва Гис». Ни цехового номера, ни срока действия, ни обещания. Только имя и три короткие строки.

«Оставила жаровню у кровати.

Обожгла дочь.

Буду менять повязки, пока заживёт».

Оршан прочёл через плечо Миры и отшатнулся.

Серебряная нить в её руке натянулась так сильно, что врезалась в кожу.

Признание было настоящим.

Мира положила пластинку на стол. Свечи качнулись к ней. Воздух над буквами задрожал, как над печной заслонкой, хотя металл оставался холодным.

— Вот почему она грела, — прошептал Оршан.

— Нет.

— Вы сами видите.

— Я вижу след силы. Не действие.

— Какая разница, если в комнате было тепло?

Мира посмотрела на очаг. Тот был вычищен, но в золе виднелись тёмные угольки. Служанка, вероятно, разжигала его до прихода проверяющей, а потом хозяин велел затушить, чтобы показать неисправную икону.

— Большая. Эта женщина обещала менять повязки дочери. Сила должна была помочь ей исправить собственную ошибку: не проспать ночь, удержать руки, когда ребёнок кричит, донести воду. Её признание не обязано греть чужой дом через три года.

— Но его зарегистрировали.

— Нет номера.

— Есть пломба.

— Пустая.

Оршан провёл ладонью по лицу.

— Мне всё равно, что сделал Зольт. Я заплатил честно.

— Верю.

— Тогда поставьте печать о подлинности и разбирайтесь с ним сами.

— Не могу.

— Почему? Сила настоящая.

— А обещание — нет.

— Значит, напишите: вещь подлинная, но требует ремонта.

Мира уже слышала, как он расскажет это соседям. Проверяющая Лест подтвердила подлинность. Всё остальное потеряется. Икона уйдёт другому владельцу, мастерская заменит доску или пломбу, а имя Нарвы Гис снова спрячут в полости.

Она взяла бланк заключения.

— Вещь не выполняет заявленного действия. Вторая печать поставлена поверх прежней. Третья не содержит силового узла. Внутри хранится незарегистрированное признание Нарвы Гис, предназначенное для исправления вреда её дочери. До выяснения происхождения пластинки и согласия самой Нарвы использовать её нельзя.

Перо скрипело громко. Оршан стоял молча. Когда Мира поставила подпись, он выхватил бланк, прочёл и бросил обратно.

— Где слово «подделка»?

— В заключении перечислено точнее.

— Я вызвал охотницу за фальшивыми чудесами. Вы нашли фальшивое чудо. Напишите это.

— Нашла вещь с поддельным обещанием и настоящей силой неизвестного происхождения.

— Это уловка.

— Это факт.

— Удобный для вашего цеха. Теперь Золт скажет, что продал мне не обогреватель, а семейную святыню. Реестр скажет, что пломба повреждена вами. А я останусь без денег.

Мира промокнула чернила песком.

— Вы можете потребовать возврата через суд мер и обещаний. Моё заключение даст основание.

— Через суд? Полгода писем, три пошлины и оценщик, которого выберет тот же цех?

— Возможно.

— А вам я должен сейчас.

— Мы договорились о двенадцати ларах.

Купец засмеялся. Коротко, без веселья.

— За что? Вы не сказали, настоящая вещь или нет.

— Сказала.

— Вы сказали и то и другое.

— Потому что здесь и то и другое.

Оршан подошёл к двери и распахнул её.

— Уходите.

Слуги в коридоре дружно отвели глаза. Мира не двинулась.

— Пластинка останется у меня как вещественное подтверждение до регистрации спора.

— Восемьдесят ларов тоже заберёте как подтверждение?

— Только пластинку. Вы получите расписку.

— Ничего вы не получите. Это моя икона, купленная на мои деньги.

— Признание принадлежит Нарве Гис.

— Я не знаю никакой Нарвы!

Имя отозвалось движением в коридоре. Краснорукая служанка уронила поднос. Чашка ударилась о ковёр и не разбилась.

Мира медленно повернулась.

— Ты знаешь?

Девушка присела, подняла чашку и поставила обратно. Лицо у неё стало белым.

— Нет, госпожа.

— Посмотри на меня.

Служанка посмотрела.

— Нарва Гис жила в этом доме?

Оршан шагнул между ними.

— Не допрашивайте моих людей.

— Я спросила о происхождении вещи.

— Вы закончили работу.

— Не закончила.

Мира взяла пластинку двумя пальцами. Металл оставался холодным, но красные руки служанки задрожали.

— Это моя мать, — сказала девушка.

Оршан закрыл глаза.

В коридоре стало тихо. Даже дождь словно отступил от окон.

— Как тебя зовут? — спросила Мира.

— Иса.

— Это тебя обожгло?

— Да.

— Когда?

— Мне было семь.

— Твоя мать меняла повязки?

Иса кивнула.

— Руки зажили плохо. Пальцы мёрзнут. Но она ухаживала. Потом пришёл сборщик. Сказал, что признание можно отдать вместо долга за лекаря. Мама согласилась.

— Какого долга?

— За мазь и место в лечебнице.

— Она знала, что признание вложат в эту икону?

— Сборщик сказал — в домашнее тепло. Мама думала, оно будет греть комнаты, где лежат дети.

Оршан резко обернулся к служанке.

— Почему ты молчала?

— Я не видела пластинку, господин.

— Но имя слышала!

— Моя мать умерла два года назад. Нарв в городе много.

Мира посмотрела на строки. Сила не исчезла после смерти женщины. Неизрасходованное признание могло храниться долго, если человек начал исправлять последствие и точно назвал работу. Но после завершения этой работы остаток полагалось вернуть признавшемуся или погасить. Его нельзя было снова продавать как топливо.

— Твои ожоги зажили до того, как мать отдала запись? — спросила она.

— Почти. Она ещё мазала мне пальцы на ночь.

— А долг лечебнице после этого закрыли?

— Сказали, закрыли.

— Бумага есть?

— Была у матери. Я найду.

Оршан взял со стола расписку Зольта и перечитал расплывчатую строку.

— «Сохранять домашнее тепло», — произнёс он. — Они даже не солгали.

— Солгали, — сказала Мира. — Просто оставили себе несколько значений на выбор.

— А зимой здесь и правда было теплее.

Иса опустила глаза.

— Я топила очаг сильнее, господин. Госпожа говорила, что икона лучше действует при хорошем огне.

Оршан сел на край стола. Впервые за всё утро он выглядел не сердитым, а старым.

— Сколько дров?

— Не знаю. Кухарка записывает.

— Значит, я три года платил за чудо и за лишние дрова.

— И пользовались остатком чужого признания, — сказала Мира.

— Не начинайте. Я не знал.

— Поэтому я не обвиняю вас в покупке краденой силы. Я описываю, что произошло.

— И всё же денег вы хотите.

Мира почувствовала знакомое желание ответить резко. Двенадцать ларов были не прихоть. Через три дня хозяин комнаты потребует плату. Лину нужны были новые переплётные тиски, потому что старые сводили корешки криво. В жестяной банке над плитой оставалось пять ларов и сорок медников. Она пришла сюда работать и работу сделала.

Но на столе лежало заключение, в котором не было простого слова, ожидаемого заказчиком. Оршан хотел получить оружие против продавца. Мира дала ему карту минного поля и предложила идти в суд.

— Да, — сказала она. — Хочу плату за проверку.

— Тогда напишите, что это подделка.

— Нет.

— Половину.

— Мы договаривались до начала работы.

— До начала работы я думал, что вы умеете отличать настоящее от ложного.

Мира взяла со стола свою печать. Девять зарубок легли в ладонь. За девять лет она выдала двести четырнадцать заключений. Семь вещей после них уничтожили, сорок одну вернули мастерам, остальные продолжили работать или оказались обычным мошенничеством. Ни одного заключения цех не отменил полностью.

Её имя стоило дороже двенадцати ларов именно потому, что она не писала удобных слов.

— Я умею отличать металл, действие и источник силы, — сказала она. — У этой вещи настоящий металл, ложное обещание и настоящая сила, которую взяли для другого дела. Если я назову всё одним словом, солгу вам так же удобно, как Зольт.

Оршан долго смотрел на неё.

Потом достал из кошелька шесть серебряных монет и выложил на стол.

— Половина. Остальное получите, когда я верну восемьдесят.

— Нет.

— Тогда не получите ничего.

Мира могла вызвать городского писца. Могла составить жалобу на отказ от оплаты. Писец взял бы два лара сразу, а дело назначили бы после осенней ярмарки. Оршан это знал.

Она убрала шесть монет в кошель.

— В расписке укажу долг в шесть ларов.

— Указывайте что хотите.

Мира переписала заключение в двух экземплярах, добавила показание Исы и упаковала пластинку в бумагу. Оршан больше не спорил, когда она забрала её на хранение. Возможно, понял, что без пластинки у него останутся только расплывчатые слова. Возможно, просто хотел, чтобы все ушли.

У двери Иса догнала Миру.

— Госпожа проверяющая.

— Да?

— Если мамина сила ещё там, её можно вернуть?

— Тебе?

Девушка прижала красные руки к переднику.

— Я не знаю. Ей уже ничего не исправить.

— Она исправляла. Ухаживала за тобой.

— Значит, силы не должно быть.

Это был правильный вопрос. Мира ещё раз коснулась свёртка в кармане. Серебряная нить подтверждала силу. Пламя склонялось к пластинке. Но если Нарва выполнила обещанное исправление, откуда взялся остаток?

— Не должно, — признала Мира.

— Вы узнаете почему?

— Узнаю.

— А если узнаете, что мама не всё сделала?

Мира посмотрела на её руки. Кожа на пальцах была стянута старым ожогом, большой палец плохо сгибался. Можно было решить, что последствие не исправлено, потому что шрамы остались. Но признание не обещало вернуть прежнюю кожу. Нарва обещала менять повязки, пока рана заживёт. Если она исполнила это, чуду нечего было удерживать.

— Тогда я скажу точно, чего она не сделала, — ответила Мира. — Не больше.

Иса кивнула, будто именно этих двух слов — «не больше» — ей не хватало.

На улице дождь стал мельче. Мира натянула капюшон и пошла к мосту, под которым располагалась палата Реестра. Шесть монет оттягивали кошель слишком слабо. Пластинка — слишком сильно.

У цеховой башни звонили полуденные колокола. С каждым ударом на медном куполе загоралась тонкая светлая полоса. Городской купол проверял свой запас перед осенними бурями. Тысячи признаний отзывались в башне единым ровным светом, и прохожие даже не поднимали голов. Для них чудо было таким же обычным, как мостовая или вода в колонке.

Мира остановилась.

Если остаток Нарвы не исчез после выполненного исправления, ошибка могла быть в одной иконе, в одном сборщике, в одной старой пломбе. Тогда достаточно найти виновного и вернуть семье деньги.

Но если силу после исправления можно было удержать и продать снова, вопрос касался не Зольта.

Он касался всего, что сияло над городом.

Глава 2. Лицо отца

Лин сидел у окна, зажав между коленями переплётный станок, и ругался с ним шёпотом.

Станок отвечал скрипом. Левая колодка сходилась раньше правой, поэтому книжный корешок выгибался дугой. Лин подсовывал под винт медную пластинку, затягивал снова и сердился всё тише. Когда он сердился по-настоящему, голос у него становился вежливым.

— Добрый вечер, уважаемая развалина, — говорил он станку. — Не соблаговолишь ли ты продержаться до зимы?

Мира закрыла за собой дверь и повесила мокрый плащ на гвоздь.

— Не соблаговолит. У него правая резьба съедена.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Надеюсь пристыдить.

В комнате было тепло только возле плиты. Суп в глиняном горшке давно выкипел до густой чечевичной каши, зато пах честно: луком, лавровым листом и чуть подгоревшим дном. На подоконнике сохли листы дешёвой бумаги. Лин подрабатывал дома, собирая долговые книги для лавочников, а в мастерской учился тиснить кожу. За каждую законченную книгу мастер отдавал ему два медника и обещал когда-нибудь допустить к настоящему заказу.

Мира выложила на стол шесть серебряных монет.

Лин посмотрел на них и перестал крутить винт.

— Остальные потеряла?

— Заказчик решил, что точный ответ стоит половину.

— А неточный сколько?

— Все двенадцать.

— Надо было ошибиться.

Он улыбнулся, но правый угол рта поднялся выше левого. Мира заметила это и подумала, что брат устал. Потом Лин отвернулся к окну, и свет серого вечера лёг на его щёку.

От виска к скуле тянулась тонкая белая черта.

Мира не сразу поняла, что видит. Она подошла ближе, взяла Лина за подбородок и повернула к себе.

— Что ты делаешь?

— Смотрю.

— Я заметил.

— Ты ударился?

— Нет.

— Порезался кожей?

— На щеке?

Он хотел отшутиться, но увидел её лицо и замолчал. Мира провела пальцем вдоль белой полосы. Кожа была гладкой, без корочки и припухлости. Это был старый шрам, которого утром не существовало.

У их отца такой начинался у правого виска и раздваивался у скулы. Арден Лест получил его в молодости, когда лопнувший тигель брызнул медью. В детстве Мира водила по этому рубцу пальцем и представляла, будто по лицу отца проходит молния. В день казни шрам был виден издали, белый на серой коже.

У Лина проступила только верхняя половина.

— Принеси зеркало, — сказала Мира.

— Оно рядом.

— Большое.

— Мира.

— Сейчас.

Лин поставил станок на пол. Из сундука он достал овальное зеркало в деревянной раме — единственную вещь, оставшуюся от матери. Стекло потемнело по краям, но середина отражала ясно.

Он поднял зеркало и увидел шрам.

Мира ждала испуга. Лин только склонил голову, разглядывая черту при разном свете. Затем потёр её рукавом.

— Не стирается, — сказал он.

— Это не краска.

— Спасибо. Без тебя я бы долго проверял.

— Лин.

Он положил зеркало отражением вниз.

— Я знаю, чей это шрам.

Плита щёлкнула остывающим железом. С лестницы донёсся кашель соседки. Обычные звуки были особенно неуместны, словно дом не понял, что должен замереть.

Мира достала из рабочего футляра серебряную нить.

— Не трогай меня этим.

— Нить ничего не делает.

— Тогда зачем?

— Показывает след силы.

— Я знаю, зачем нужна нить. Я переплетаю ваши цеховые книги, помнишь?

— Это не наши книги.

— Ты ставишь на них печать.

— Я проверяю вещи.

— А они записывают людей. Большая разница.

Мира не стала спорить. Размотала нить и поднесла к его щеке, не касаясь кожи. Серебро повисло свободно.

Она попробовала ещё раз. Нить не натянулась.

— Ну? — спросил Лин.

— Наследование лица не является чудом в обычном смысле. Оно идёт через запись долга, а не через вложенную силу.

— Значит, ты проверила то, что и так знала.

— Да.

Слово прозвучало слишком резко. Мира свернула нить. Она могла бы сказать, что проверка исключает реликвию, наложенную маску или чью-то дурную шутку. Но Лин был прав: она сделала знакомое движение, потому что не знала, что делать дальше.

— Когда заметил? — спросила она.

— Не замечал. Утром не было?

— Нет.

— В мастерской никто не сказал. Хотя Пивек обязательно сказал бы. Он две недели спрашивал, почему у меня уши разные.

— У тебя одинаковые уши.

— Теперь да. Я объяснил ему устройство зрения.

Мира снова взяла зеркало и осмотрела отражение брата. Линия шрама пока не дошла до рта. Цвет глаз не изменился. Нос оставался Линовым — коротким, с маленькой горбинкой после детского падения с забора. Отец носил густые брови, у Лина они были светлыми и редкими.

Пока это был только шрам.

— Останешься дома, — сказала она.

— Нет.

— До выяснения.

— Нет.

— Если запись уже начала менять лицо, следующими могут быть голос и походка. Люди узнают отца.

— Люди и так знают, кто мой отец. В мастерской мою фамилию пишут на каждом пропуске.

— Узнать фамилию и увидеть лицо казнённого — не одно и то же.

— Для тебя, может быть.

Мира схватила монеты со стола и пересчитала, хотя прекрасно помнила число. Четыре уйдут за комнату. Один — за уголь и масло. На оставшийся они проживут несколько дней, если Лин принесёт плату из мастерской. Новый станок отодвигался ещё на месяц.

— Завтра не пойдёшь, — сказала она.

— Завтра мастер отдаёт мне книгу купеческой гильдии. Если не приду, её получит Пивек.

— Пусть.

— Для тебя легко.

— Что легко?

— У тебя уже есть ремесло.

— Которым я оплачиваю эту комнату.

— Поэтому моё можно потерять?

Мира подняла голову. Лин сидел прямо, но ладонью закрывал шрам. Не потому, что стеснялся. Он пытался согреть холодную кожу.

— Я не дам Реестру забрать тебя, — сказала она.

— А я не вещь, которую можно забрать или оставить.

— Не начинай.

— Ты начала.

В дверь постучали трижды: два коротких удара, один длинный. Так стучали городские писцы, чтобы хозяин комнаты успел спрятать деньги, но не успел убежать через крышу.

Мира и Лин посмотрели друг на друга.

Стук повторился.

— Мира Лест? — позвали с лестницы. — Доставка Реестра остатка.

Лин убрал руку от лица.

— Быстро работают.

Мира открыла дверь лишь настолько, чтобы видеть посетителя. На площадке стояла женщина в синем непромокаемом плаще, с кожаной сумкой и медным жетоном на шее. За её спиной ждал городской свидетель — тощий мужчина с белой палкой.

— Имя? — спросила Мира.

— Писец Лойна Весс. Уведомление семье Ардена Леста. Получатель — совершеннолетняя дочь или младший наследник в присутствии опекуна.

— Он не мой подопечный.

— Несоввершеннолетний по цеховому праву.

— По городскому ему семнадцать. Он отвечает за свой заработок и договор обучения.

— Тогда вручим обоим.

Лойна достала из сумки свёрнутый лист. По краю шли три красные полосы. Не одна — уведомление об обычном взыскании, не две — вызов на сверку. Три означали, что Реестр уже начал телесное исполнение.

Мира не взяла бумагу.

— На каком основании открыли дело? После казни отца прошло пять лет.

- Остаток был заморожен на срок проверки порчи записей.
- Проверка закончилась два года назад.
- Сегодня утром обнаружено несоответствие в трёх обязательствах.
- Где обнаружено?
- В главном хранилище.
- Кем?
- Комиссией старшего Рудена.

Имя легло между ними, как засов.

Савел Руден возглавлял цех чудотворцев дольше, чем Мира носила печать. Он подписал приговор Ардену. Он же разрешил Мире сохранить право проверяющей после казни отца, заявив, что вина мастера не должна заслонять полезность дочери. Многие считали это великодушием.

- Мира — способом оставить её под рукой.
- Назовите обязательства, — сказала она.
- Всё в уведомлении.
- Назовите вслух при свидетеле.

Лойна вздохнула. Ей не хотелось устраивать чтение на лестнице, но правила были на стороне Миры. Она развернула лист.

— Первое: реликвия «Тихий колокол», обещание — предупреждать о пожаре в коженном ряду. Сила принята, действие не состоялось, ущерб не возмещён. Второе: «Детская чаша», обещание — снимать опасный жар в лечебнице Тёплой Арки. Сила принята, действие признано неполным, остаток не возвращён. Третье: «Северная скоба», обещание — удерживать ворота во время бури. Сила принята, изделие не представлено. Совокупный остаток: сто восемьдесят четыре меры.

Лин присвистнул.

Мера была не монетой. Ею считали силу признания: одна мера соответствовала примерно часу простой исправительной работы. Сто восемьдесят четыре означали почти месяц человеческого труда без сна. Ни один наследник не мог отдать столько телом и остаться целым.

- Отец не делал «Тихий колокол», — сказала Мира.
- Указан его мастерский номер.
- Номер могли подменить. За это его и судили.
- Комиссия считает подмену доказательством ответственности.
- Удобно.

Лойна протянула лист.

— Вы можете оспорить в десятидневный срок. Пока спор не решён, взыскание деньгами и трудом не производится.

Лин коснулся шрама.

— А лицо?

Писец впервые посмотрела прямо на него. Её взгляд задержался у виска.

— Лицевой знак подтверждает сохранность остатка. Он будет развиваться до установления носителя.

- Что значит «до установления»? — спросила Мира.
- Реестр выбирает ближайшего доступного наследника.
- Я ближе. Я старшая дочь.
- Вы состоите в цеховом надзоре и имеете действующую печать. До решения комиссии защищены от лицевого исполнения, чтобы не нарушить общественно значимое ремесло.
- Значит, моё лицо слишком полезно, а его можно отдать отцу?
- Я не устанавливаю правила.
- Вы их приносите.

Городской свидетель постучал белой палкой по ступени.

— Писец исполняет поручение без личного решения, — произнёс он. — Получатели имеют право сделать замечание на обороте.

— Запишите, — сказала Мира. — Старшая наследница требует перенести знак на неё до окончания спора.

— Нет, — сказал Лин.

Она обернулась.

— Это остановит изменение.

— Моё или твоё?

— Твоё.

— И начнёт твоё.

— На мне печать.

— Ты только что слышала: поэтому они и выбрали меня. Если откажешься от защиты, потеряешь работу.

— Это моя работа.

— А лицо моё.

Лойна держала перо над оборотом листа и терпеливо ждала, какую семейную глупость ей придётся записать.

— Лин, потом обсудим.

— Нет. Запишите моё замечание. Носитель не согласен на перенос знака без его участия.

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю: ты решила пожертвовать ремеслом, чтобы потом напоминать мне об этом каждый раз, когда я сделаю что-нибудь не по-твоему.

Удар был точным. Мира уже открыла рот, чтобы возразить, и поняла, что не сможет сказать «никогда». Она помнила, сколько стоила каждая монета, каждый отказ, каждый случай, когда оставалась без ужина ради его сапог. Иногда память превращалась в счёт прежде, чем она успевала остановиться.

— Запишите оба замечания, — сказала Лойна. — Комиссия решит.

— Нет, — повторил Лин. — Только моё.

Мира взяла уведомление. Бумага была сухой, хотя плащ писца блестел от дождя. Внизу стояли три номера обязательств и дата завтрашнего слушания у старшего цеха.

— Комиссия уже назначена?

— Предварительное объяснение, — сказала Лойна. — Старший Руден примет охотницу Лест в девять утра. Младший наследник может присутствовать.

— Будет присутствовать, — сказал Лин.

— Нет.

— Запишите, что будет.

Лойна едва заметно улыбнулась. Не насмешливо — скорее устало. Она отметила получение, дала Мире расписаться и протянула перо Лину. Тот вывел имя левой рукой, чтобы не размазать чернила. Почерк был угловатым, но ровным.

Когда писец и свидетель ушли, Мира закрыла дверь на засов.

— Ты никуда не пойдёшь.

— Пойду в мастерскую, потом в цех.

— Они вызвали меня.

— Долг на моём лице.

— Именно поэтому тебе нельзя показываться Рудену без подготовки.

— Какой подготовки? Научишь меня держать лупу?

— Научу не отвечать на вопросы, смысл которых тебе не объяснили.

Лин поднял уведомление к свету.

— Ты знаешь эти три вещи?

— Названия слышала. «Детская чаша» стоит в лечебнице Тёплой Арки. Я проверяла её четыре года назад.

— И?

— Она работала.

— Полностью?

Мира вспомнила низкий зал лечебницы, запах уксуса и детского пота. Каменная чаша стояла в медном обруче. Когда ребёнка клали рядом, металл вытягивал жар и удерживал до утра. Мира проверила температуру воды до и после, осмотрела пломбы, поговорила с врачом. В заключении написала: действие соответствует обещанию.

Она не спрашивала, чьи признания вложены в обруч.

Четыре года назад такая проверка не была обязательной, если силовая пломба оставалась целой.

— По действию — да, — сказала она.

— А по силе?

— Пломба была законной.

— Как сегодня на иконе?

Мира посмотрела на него.

— Откуда знаешь?

— Ты принесла футляр и шесть монет. Когда находишь обычную подделку, тебе платят полностью и ты злишься на мастера. Когда находишь настоящую опасность, ты забываешь поесть. Суп на плите с тех пор, как пришла.

Она сняла крышку с горшка. Чечевица пристала ко дну, но не сгорела окончательно. Мира разложила её по двум мискам.

— В иконе была настоящая запись, — сказала она. — Без номера. Женщина призналась, что обожгла дочь, и обещала менять повязки. Дочь говорит, что мать исполнила обещание. Но сила осталась.

— Может, дочь врёт.

— Может. Или ошибается. Или сила записана не так, как нас учили.

— А при чём здесь отец?

— Пока не знаю.

Лин ел стоя, продолжая читать уведомление. На третьей ложке он остановился.

— Здесь одинаковый знак.

— Где?

Он показал на номера обязательств. Каждый начинался с маленького ромба, перечёркнутого двумя линиями. Мира приняла его за знак комиссии, но теперь увидела: линии были неодинаковыми. Верхняя уходила вправо, нижняя обрывалась в центре.

Знак мастерской Ардена изображал раскрытый футляр: ромб и две створки. После казни его запретили. На отцовских вещах знак сбивали или заливали оловом.

— Это его номер, — сказала Мира.

— Значит, всё просто?

— Нет. Мастерский знак ставят на изделие, а не перед номером долга.

— Кто мог так написать?

— Тот, кто хотел связать три записи после их создания. Или тот, кто восстанавливал повреждённый список и не знал правил.

— Комиссия Рудена не знает правил?

— Комиссия знает.

Лин сел обратно к окну. За стеклом уже темнело, и теперь шрам казался ярче остального лица.

— Ты веришь, что отец испортил Реестр?

Мира долго мешала ложкой густую чечевицу.

— Да.

— Вот так просто?

— Я видела форму с его рукой. Он менял номера признаний.

— Зачем?

— На суде сказали — продавал силу дважды.

— Я спрашиваю, что ты думаешь.

— Думаю, он менял номера.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Лин отложил ложку.

— Когда его увели, мне было двенадцать. Все шептались, будто ты знаешь что-то важное и поэтому тебя оставили в цехе. Я ждал, что ты расскажешь, когда вырасту.

— Я рассказала всё, что знала.

— Ты рассказала приговор.

— Потому что факты были в приговоре.

— Факты были у отца в мастерской. Ты заперла её и не пускаешь меня пять лет.

Мира почувствовала, как внутри поднимается старый холод. Мастерская находилась во дворе бывшего цехового дома. После казни имущество опечатали, но две комнаты признали семейными. Мира сохранила ключ. Иногда ходила туда одна, проверяла замок, стряхивала пыль с верстака и уходила. Она говорила себе, что бережёт место до окончания всех споров.

На самом деле она не могла вынести Лина за отцовским столом.

— Там опасные формы, — сказала она.

— Я работаю с ножами и кипящим клеем.

— Формы для чудес опаснее.

— Тогда ты должна была сдать их.

— Часть сдала.

— А часть?

— Не относится к делу.

Лин тихо засмеялся. Теперь правый угол рта поднялся ещё выше. Или Мире показалось.

— Всё относится к делу, когда у меня появляется лицо мёртвого человека.

— Он был нашим отцом.

— Это не делает его лицо моим.

Он снова взял зеркало. Шрам за последний час удлинился на толщину зерна — Мира могла поклясться. Белая линия теперь доходила почти до скулы.

— Десять дней, — сказал Лин. — Потом что?

— Если мы докажем ошибку, запись закроют.

— А если нет?

— Назначат способ покрытия остатка.

— Деньги?

— Сто восемьдесят четыре меры не пересчитывают прямо в деньги. Могут обязать работать на цех. Или признать наследником мастерской и всех её долгов.

— Я стану чудотворцем?

— Нет. Сначала учеником. Без права отказаться от заказов, пока остаток не закрыт.

— Сколько лет?

— Не знаю.

— Примерно.

— Десять. Пятнадцать.

Лин кивнул, будто она назвала цену сапог.

— А лицо останется?

— Пока действует долг.

— Удобно. Работник носит знак хозяина прямо на коже.

— Я этого не допущу.

— Тогда открой мастерскую.

Мира подошла к сундуку. Ключ лежал под стопкой зимнего белья, в маленьком кожаном мешке. Она доставала его два месяца назад, когда хозяин двора прислал требование оплатить ремонт крыши. Тогда дошла до ворот, увидела издали заколоченное окно и вернулась.

Ключ был длинным, железным, с выемкой в форме раскрытого футляра.

— Сегодня поздно, — сказала она.

— Там есть крыша.

— В переулке после темноты грабят.

— У нас шесть ларов. Грабители расстроятся.

— Пластика Нарвы стоит больше.

— Значит, оставь её здесь.

Мира посмотрела на рабочий футляр. Она не имела права хранить вещественное подтверждение в комнате без защитного шкафа. До утра нужно было сдать пластинку в палату Реестра. Но если отметка Ардена появилась в трёх обязательствах сегодня, а Руден уже назначил встречу на завтра, любая бумага, которую она отдаст вечером, утром окажется у его комиссии.

Она достала свёрток с пластинкой и положила рядом с уведомлением.

Одинаковый металл. Разные руки. На пластинке Нарвы не было знака Ардена, но почерк трёх строк казался знакомым не буквами, а тем, как они размещались: каждая начиналась чуть правее предыдущей. Отец учил учеников записывать признание ступенями — поступок, последствие, исправление. Так сборщик сразу видел, где человек пропустил часть.

Этим приёмом пользовалась половина цеха.

И всё же Мира вспомнила ящики в мастерской. В нижнем отец хранил забракованные пластины. Некоторые были без номеров.

— Собирайся, — сказала она.

Лин не улыбнулся. Быстро надел куртку, обмотал шею шарфом и сунул в карман переплётный нож.

— Нож оставь.

— Ты берёшь четыре иглы и резак.

— Это инструменты.

— У меня тоже.

Мира не стала тратить время. Она спрятала пластинку во внутренний карман, взяла фонарь и погасила плиту.

На лестнице Лин задержался у мутного оконца. В стекле отражалось его лицо поверх ночных крыш. Половина принадлежала семнадцатилетнему переплётчику: узкий подбородок, светлая бровь, упрямо сжатые губы. По второй уже проходила белая молния Ардена.

— Если я стану похож на него целиком, — спросил Лин, — ты сможешь смотреть на меня и видеть меня?

Мира хотела ответить сразу.

Не смогла.

Лин отвернулся раньше, чем молчание стало ответом, и начал спускаться.

Она пошла следом, сжимая в руке ключ от мастерской, которую пять лет называла безопаснее закрытой.

Глава 3. Охотница с печатью

Замок мастерской не хотел узнавать ключ.

Мира дважды провернула его до упора, прижала дверь плечом и попробовала снова. Железо скребло внутри железа, но засов не двигался. За пять лет дерево разбухло, петли просели, а в щель под порогом нанесло песка. Лин молча забрал у неё фонарь, поставил на камень и просунул переплётный нож между дверью и косяком.

— Оставь, сломаешь лезвие.

— Тогда перестанешь говорить, будто это инструмент для драки.

Он нащупал язычок, надавил плоской стороной. Мира одновременно повернула ключ. Дверь вздрогнула и распахнулась так резко, что оба едва не упали в темноту.

Изнутри пахло холодной золой, маслом и старой медью. Запах не ослаб за годы. Мира ожидала пыли, сырости, мышиного помёта — чего-нибудь, что отделило бы закрытое помещение от памяти. Но мастерская пахла тем вечером, когда отец велел ей отнести в палату три книги заказов, а сам остался заканчивать Северную скобу. По крайней мере, тогда он называл кусок чёрного железа на верстаке именно так.

Она подняла фонарь.

Верстак стоял у дальней стены. На нём лежали щипцы, молоток с обмотанной рукоятью и каменная плита для выравнивания пластинок. Инструменты забрали не все: следователи выбрали вещи, которые могли доказать изготовление чудес, а простое ремесло оставили семье. На стене белели прямоугольники там, где раньше висели формы. В углу темнела остывшая печь. Над ней Мира в детстве выцарапала две черты, отмечая свой рост. Отец добавил третью и подписал: «когда научилась не хватать горячее».

Лин увидел надпись и провёл пальцем по буквам.

— Меня здесь нет.

— Тебя не подпускали к печи.

— А тебя, значит, подпускали.

— Я была послушнее.

Он посмотрел на неё.

— Неправда.

Мира сняла со стены деревянную рейку и поддела ставень. Заколоченное окно пропустило узкую полосу света от дворового фонаря. Этого хватило, чтобы увидеть пыль на полу: ровную почти повсюду, кроме дорожки от двери к верстаку.

Кто-то входил после неё.

Последний раз Мира была здесь в конце лета. Тогда пыль лежала сплошным серым слоем. Теперь у двери виднелась смазанная пятка, дальше — две неглубокие впадины. Посетитель ступал осторожно, возможно, обмотал сапоги тканью. Возле верстака след исчезал.

— Не двигайся, — сказала Мира.

— Я уже вошёл.

— Стой там.

Она присела. На песке у порога блеснула тонкая стружка. Мира подняла её иглой и поднесла к фонарю. Красная медь, свежий яркий срез. Сама дверь была обита железом. Медная стружка могла упасть только с инструмента или заготовки.

Лин светил ей через плечо.

— Вор?

— Вор унёс бы молоток. Его можно продать.

— Следователь?

— Официальный оставил бы знак на косяке.

Она показала ему маленькую впадину возле замочной скважины. Кто-то вставлял не ключ, а тонкую трубку и отжимал старый механизм. Работал аккуратно, но торопился: край отверстия был свежо оцарапан.

Мира надела перчатки. Потом вспомнила, что это её собственная мастерская, и разозлилась на себя за эту мысль. Принадлежность помещения ничего не меняла. След оставался следом.

Она прошла по дорожке, ставя ноги в уже смазанную пыль. Лин двинулся следом.

— Я сказала стоять.

— Тогда свет оставь.

Мира взяла фонарь и поставила на верстак. Ящики были закрыты. Верхний выдвинулся с визгом и показал груды угольных карандашей, костяных меток и медных обрезков. Во втором лежали кожаные ремни для крепления форм. Нижний, где отец держал забракованные пластины, не поддавался.

— Ключ есть? — спросил Лин.

— Замка раньше не было.

Фасад ящика выглядел прежним, с тёмным сучком справа. Но между ним и столешницей появилась латунная полоска. Её утопили в дерево и присыпали пылью. Мира провела иглой по краю и нашла круглое отверстие, меньше просяного зерна.

— Печать, — сказал Лин.

Он произнёс это без зависти, но Мира всё равно ощутила тяжесть медного знака под одеждой. Печать проверяющей была круглой, величиной с большую монету. На лицевой стороне — открытый глаз над щипцами, на обратной — три коротких выступа. Выступы позволяли открывать цеховые шкафы с вещами, переданными на проверку. За каждый такой шкаф отвечал человек, чья печать вошла в замок последней.

— Этого ящика не было в описи, — сказала она.

— Может, был. Ты же веришь описям.

— Я верю тому, что можно проверить.

— Опись ты проверяла?

Мира не ответила. После ареста отца она сидела у этого верстака, пока двое следователей называли предметы, а третий записывал. Формы — семь. Пластины с признаниями — двадцать четыре. Заготовки без текста — одиннадцать. Личные инструменты — тридцать два. Она следила, чтобы числа сходились, но не касалась ящиков. Ей было двадцать четыре, и она старалась выглядеть человеком, который понимает порядок. Савел Руден стоял у двери и говорил тихо, почти сочувственно. Он обещал сохранить за нею печать, если она не станет мешать разбору.

Тогда это казалось спасением.

Мира достала медный знак. Лин поднял фонарь ближе. Края отверстия в латунной полоске были чистыми, без зелени. Замок поставили недавно.

— Если откроешь, они узнают? — спросил он.

— Запомнится оттиск.

— И что будет?

— Спросят, почему я вскрыла хранилище.

— Скажешь: потому что хранилище нашли в нашей мастерской.

— Они скажут, что оно цеховое.

— Оно стоит в столе отца.

— Цех считает, что всё, чего касалось признание, принадлежит ему до расходования силы.

— А лицо?

Мира посмотрела на белую черту у его виска.

— По их правилам — тоже обеспечение.

— Тогда открывай.

Печать вошла в отверстие с мягким щелчком. Внутри дрогнула тонкая пластина. Медный знак потеплел в пальцах: замок считал имя, право и время. Мира повернула печать. Нижний ящик выехал сам на ширину ладони.

Он был пуст.

Не совсем. Дно покрывала красноватая пыль, а в дальнем углу застрял обломок пластинки. Мира вытянула его щипцами. Треугольный кусок меди был меньше ногтя. На нём сохранились две насечки и хвост буквы.

— Это от признания? — спросил Лин.

— Или от номера.

Она вынула из внутреннего кармана пластинку Нарвы Гис. Класть её на верстак не стала, держала над ящиком. Красная пыль на дне совпадала по цвету, но это ничего не доказывало: вся чистая медь после напильника давала такую же. Гораздо важнее были две насечки. Отец делал их по левому краю, чтобы пластинку можно было прочесть на ощупь в дыму. Первая означала поступок, вторая — следствие, третья — исправление. На обломке оставались первая и вторая. Третью часть кто-то отломил.

Признание без исправления сохраняло силу.

— Здесь лежали пластины, — сказала Мира. — Много. Их вынесли недавно.

— Те, которых не было в описи?

— Возможно.

— И замок поставили, чтобы ты не заметила пустой ящик?

— Замок поставили, чтобы было видно, кто заметил.

Лин присвистнул и тут же прикрыл рот. Свист получился отцовский — короткий, через щель между зубами. Мира знала, что брат всегда свистел иначе, протяжно. Лин тоже это понял. Он сжал губы, словно мог удержать ими чужую привычку.

— Это он? — спросил он.

— Не знаю.

— Ты слышала.

— Лицо не передаёт память и характер.

— Я спросил про свист.

Мира убрала обломок в бумажный пакет.

— Ты мог слышать отца в детстве.

— Мог. Значит, теперь любое моё движение можно объяснить им.

— Нет.

— Ты уже объяснила.

Он отошёл от верстака и принялся осматривать стену. Мира хотела остановить его, но не нашла основания. Мастерская принадлежала ему не меньше, чем ей, а долг, судя по Реестру, — больше.

Лин поднял молоток. Под ним на дереве оказался чистый круг. Молоток переставляли недавно. Он повертел рукоять и постучал костяшкой по столешнице.

— Здесь пусто звучит.

— В верстаке полость для угля.

— С другой стороны.

Лин постучал ещё раз. Под чистым кругом дерево отвечало коротко, будто под ним лежал металл. Он перевернул молоток и надавил рукоятью на сучок. Тот ушёл внутрь. Из боковой стенки верстака выскочила узкая планка.

Мира никогда её не замечала.

За планкой находилась щель, в ней — свёрнутый лист промасленной бумаги. Лин потянулся к нему, но Мира перехватила руку.

— Сначала края.

— Что?

— Посмотри, нет ли нити или иглы.

Он посветил. В щели не было ни ловушки, ни печати. Мира щипцами вынула свёрток и разложила на каменной плите. Бумага хрустела, масло высохло. Внутри лежал не список и не признание, а рисунок Северной скобы.

Мира узнала её по раздвоенному зубу и канавке для силовой нити. Внизу отец написал обещание вещи: «Удержать северные ворота от первого удара бури, пока люди выйдут из прохода». Рядом стоял расчёт — двадцать две меры. В уведомлении Реестра значилось, что сила принята, а изделие не представлено.

На рисунке отцовской рукой было добавлено: «Передано Рудену, без номера. Номер даст после испытания».

Ни подписи Савела, ни расписки.

— Это доказательство? — спросил Лин.

— Это запись заинтересованного мастера.

— То есть нет.

— Это повод искать книгу приёма у северных ворот.

Лин наклонился ниже.

— Здесь ещё что-то.

На обороте проступали вдавленные строки. Кто-то писал на верхнем листе, используя рисунок как подкладку. Мира потёрла бок графитового карандаша ножом, собрала порошок на кончик пальца и осторожно провела по бумаге. Серые крупинки легли в углубления.

Показались три слова: «не закрывать исправленное».

Ниже — числа. Двадцать четыре, семь, одиннадцать.

Те же количества, которые Мира помнила из описи.

— Отец знал, что придут, — сказал Лин.

— Или записал после обыска.

— После обыска его сюда не пускали.

— Значит, до.

Она сложила рисунок по старым сгибам. В голове один за другим выстраивались вопросы, но ни один не становился ответом. Если Северную скобу передали Савелу без номера, кто позже вписал номер Ардена в долг? Что значило «не закрывать исправленное»? Зачем прятать числа из будущей описи до прихода следователей? Отец мог знать порядок проверки. Мог сам подготовить ложную опись. Мог пытаться сохранить пластины, которые обязан был сдать.

Мира ненавидела, когда находка предлагала слишком много удобных версий.

— Забираем? — спросил Лин.

— Рисунок — да. Ящик оставляем как есть.

— Уже не как есть. Ты поставила печать.

— Поэтому до утра сюда никто не войдёт незаметно.

Она закрыла тайник и вернула молоток на чистый круг. Нижний ящик задвинула до щелчка. Печать остыла, но на обратной стороне осталась тонкая красная линия — подтверждение открытия. Стереть её можно было только в палате надзора после объяснения.

Лин задержался у стены с отметками роста.

— Почему отец ничего не сказал тебе?

— Возможно, не доверял.

— Ты была его ученицей.

— Поэтому и мог не доверять.

— Или хотел защитить.

— От незнания редко защищают. Обычно им управляют.

Она сказала это резче, чем собиралась. Лин поднял фонарь, и на миг его шрам оказался продолжением тени от оконной рейки.

— Ты сейчас про него или про себя?

Мира заперла дверь. На этот раз ключ повернулся легко.

Они вернулись домой перед рассветом. Лин лёг не раздеваясь, а Мира села у окна и переписала все номера из уведомления, рисунка и пластинки Нарвы. Совпадений не было. Зато в каждом цеховой знак стоял справа от числа, хотя по правилу его ставили слева. Отец размещал так личную метку на учебных образцах, которые нельзя было пускать в дело.

К восьми утра Мира умылась холодной водой, вычистила сапоги и прикрепила печать поверх воротника. Обычно она носила её под одеждой, чтобы заказчики сначала видели инструменты, а потом полномочие. Сегодня знак должен был войти в зал раньше неё.

Лин тоже собрался. Шарф он намотал высоко, но белый край шрама всё равно выглядел у виска.

— Ты идёшь в мастерскую Пивека, — сказала Мира.

— В девять я буду у Рудена.

— Если потеряешь заказ купеческой гильдии, я его не верну.

— Значит, согласна, что ремесло можно потерять не только тебе?

— Согласна, что ты сам выбираешь, чем рисковать.

Он замер, уже взявшись за дверь.

— Повтори.

— Не наглей.

— Я хотел запомнить исторический миг.

Мира протянула ему рисунок Северной скобы.

— Отнеси это Лойне Весс. Только ей в руки. Попроси зарегистрировать копию до девяти и вернуть оригинал.

— Почему не возьмёшь к Рудену?

— Потому что тогда он первым решит, существует ли бумага.

Лин спрятал лист под рубаху.

— А ты?

— Приду вовремя и буду очень вежливой.

— Это опаснее ножа.

Цех чудотворцев занимал бывший монетный двор. Его фасад украшали не святые и не князья, а изображения рук: рука держала чашу, рука поднимала балку, рука закрывала детские глаза от огня. Над входом золотились слова: «Ошибка служит исправлению».

Мира каждый раз читала их дважды. Первый раз — как обещание. Второй — как вопрос.

В приёмной уже ждали владельцы мастерских, сборщики признаний и двое носителей лиц. Один старик получил широкий нос умершей жены, молодая женщина — седую прядь и родимое пятно брата. Люди старались не смотреть друг на друга. Лицо считалось записью долга, а разглядывать чужую записку было почти то же, что заглядывать в кошелек.

Когда Мира вошла, привратник поднялся.

— Проверяющая Лест. Старший ждёт.

— Объяснение назначено на девять.

— До девяти три минуты.

— Значит, он подождёт три минуты.

Она осталась стоять под часами. Привратник покосился на печать. Мира знала, что сведения о ночном открытии уже пришли в надзор: красная линия на меди стала ярче возле цехового порога. Замки и печати сообщались через доску учёта. Савел, вероятно, знал не только время, но и номер шкафа, хотя этого шкафа не существовало в описи.

Ровно после девятого удара Мира открыла дверь зала.

Савел Руден сидел за длинным столом один. Он был высок даже сидя, худой, с тяжёлыми кистями литейщика. Седые волосы собирал на затылке медным кольцом. На нём не было ни парадной цепи, ни старшего знака — только рабочий фартук, потемневший от масла. На столе стояла простая глиняная чашка с отбитым краем.

— Ты похудела, — сказал он.

— Вы возобновили долг моего отца.

— Значит, не разучилась пропускать приветствия.

— Доброе утро. Вы возобновили долг моего отца.

Савел указал на стул.

— Реестр возобновил. Я сообщил о несоответствиях.

Мира не села. Положила на стол уведомление, но не пластинку Нарвы и не рисунок.

— Три вещи пять лет считались закрытыми.

— Три вещи пять лет считались утраченными при порче учёта. Теперь часть записей восстановлена.

— Где?

— В хранилище.

— Покажите исходные пластины.

— После назначения проверки.

— Она уже назначена, если лицо наследника меняют.

Савел посмотрел на неё внимательно. Его взгляд остановился на красной линии печати.

— Ты открыла шкаф Ардена в два часа семнадцать минут.

— Значит, шкаф существует.

— Я не говорил обратного.

— В описи его нет.

— В описи много чего нет. Твой отец умел прятать работу от цеха.

— Кто поставил новый замок?

— Надзор.

— Когда?

— Вчера.

— До или после того, как из ящика вынесли пластины?

Уголок рта Савела едва заметно опустился. Не испуг — поправка расчёта.

— Ты нашла пыль, — сказал он.

— Я нашла пустой ящик.

— Пустота не является вещественным доказательством.

— Тогда вам нечего скрывать. Покажите то, что вынули.

— Сядь, Мира.

Она села. Не потому, что он велел, а потому, что теперь их глаза оказались на одном уровне.

Савел подвинул к ней папку. Внутри лежали копии трёх обязательств. На каждой стоял номер Ардена Леста, справа от него — маленький знак раскрытого футляра.

— Учебная метка, — сказала Мира.

— Его личная метка.

— На действующих вещах она ставится слева.

— Так было принято. Закон не указывает сторону.

— Закон также требует подпись приёмщика. Здесь её нет.

— Записи повреждены.

— Повреждение всегда съедает именно то, чего не хватает вам?

Савел откинулся на спинку стула.

— Твоя печать осталась у тебя благодаря моей подписи.

— Я помню.

— Тогда помни всё. После суда девять старших требовали исключить тебя как дочь мастера, испортившего учёт. Я сказал, что родство не передаёт умение лгать и не отнимает умение проверять. Ты получила работу, комнату и возможность вырастить брата не в долговом доме.

— А теперь родство передаёт ему лицо.

— Не я писал закон наследования.

— Вы им пользуетесь.

— Я пользуюсь законами, когда они удерживают город от распада. Как и ты.

Мира коснулась печати. Медный круг весил меньше двух ларов, но сейчас тянул воротник вниз.

— Я проверяю обещания вещей.

— По праву, которое дал цех. За четыре года ты закрыла сто семнадцать споров. Вернула покупателям деньги, сняла с мастеров ложные обвинения, остановила девять опасных подделок. Всё это стало возможным, потому что знак открывает двери и заставляет людей отвечать.

— И защищает моё лицо ценой лица Лина.

— Защищает ремесло, которое кормит вас обоих.

Он говорил спокойно, без угрозы. От этого слова становились тяжелее. Савел не пытался убедить её, что порядок справедлив. Он предлагал признать его полезным.

Дверь открылась. Лин вошёл вместе с Лойной Весс. Писец держала в руке регистрационную ленту, а Лин — рисунок Северной скобы. Шарф он снял. Белый шрам теперь дошёл до середины скулы.

Савел впервые потерял спокойствие. Всего на вдох: пальцы сжали край стола, взгляд метнулся к бумаге. Затем он снова стал старшим цеха.

— Младший наследник, — произнёс он. — Вы могли ждать в приёмной.

— Мог, — сказал Лин.

Лойна положила на стол ленту.

— Представлен семейный рабочий рисунок изделия «Северная скоба». Копия зарегистрирована в палате Реестра в восемь часов пятьдесят две минуты. На рисунке имеется запись о передаче старшему Рудену без номера.

— Запись сделал обвиняемый мастер, — сказал Савел.

— Поэтому я не делала вывода о подлинности, — ответила Лойна. — Только зарегистрировала наличие.

Мира едва удержалась от улыбки. Писец исполняла правила так же тщательно, как приносила ими беду.

— Теперь покажите книгу приёма северных ворот, — сказала Мира.

— Её затопило три года назад.

— У ворот нет подвала.

— Книгу передали в общее хранилище.

— То самое, где вчера нашлись долги?

Савел встал. Он был выше Миры почти на голову и выше Лина на полголовы. Но смотрел не на них, а на рисунок.

— Скоба существовала, — сказал он. — Её испытали. При первом ударе она удержала ворота, люди вышли. При втором металл лопнул.

— Обещание было удержать первый удар, — сказала Мира.

— Городской заказ требует держать три.

— На рисунке обещан один.

— Поэтому изделие не приняли.

— Но оно выполнило своё обещание.

— Узкое обещание, которым мастер прикрыл негодную работу.

Мира почувствовала знакомый азарт проверки. Вещь могла быть слабой, невыгодной, даже постыдной — и всё же подлинной, если делала ровно то, что обещала. Цех любил расширять обещание после испытания, когда хотел не платить мастеру. Продавцы, наоборот, сужали его после поломки. Охотница должна была удержать слова на месте.

— Кто заказал три удара? — спросила она.

— Управа ворот.

— Где заказ?

— В утраченной книге.

— Тогда у вас есть исполненное обещание на сохранившемся рисунке и неподтверждённое требование на утраченном листе. Почему остаток записали как несостоявшееся чудо?

— Потому что двадцать две меры не были возвращены.

— Они были потрачены на первый удар.

— Не все.

— Сколько осталось?

Савел промолчал.

Лойна подняла перо.

— Вопрос относится к размеру взыскания.

— Одиннадцать мер, — сказал Савел.

— Тогда почему в уведомлении весь долг — сто восемьдесят четыре меры без разделения?

— Потому что два других изделия не испытаны.

— Разделите сейчас.

— Для этого нужна полная проверка.

— Назначьте её.

Савел обошёл стол и остановился у окна. Во дворе подмастерья разгружали корзины с углём. Один поскользнулся; двое подхватили корзину, не дав ей упасть. Обычная сила, не добытая признанием.

— Десять дней, — сказал Савел. — Ты получишь доступ к копиям трёх дел, книгам расхода силы и вещам, если они сохранились. Докажешь ошибку Реестра — лицевое исполнение снимут с Лина, остаток пересчитают. Не докажешь — запись станет окончательной.

— Доступ без права изъятия?

— Да.

— С возможностью приглашать независимого чеканщика?

— Одного. Его имя внесут заранее.

— Ратен Вой.

Савел повернулся слишком быстро.

— Почему он?

Мира выбрала имя почти наугад. Ратен однажды отказался подписывать заключение старшего, когда силовая нить была впаяна не в тот край оберега. За это его на год убрали с городских заказов. Он был неприятен, точен и недостаточно богат, чтобы позволить себе бесстрашие. Лучшее сочетание для свидетеля.

— Потому что вы его не любите.

— Это не профессиональное основание.

— Тогда потому, что он различает работу металла и работу признания.

— Допустим. Что ещё?

— На время проверки лицо Лина не должно меняться.

— Реестр нельзя остановить без покрытия остатка.

— Можно перенести знак на меня.

— Нет, — сказал Лин.

Мира не обернулась.

— Я старшая наследница.

— И защищённая проверяющая, — напомнил Савел. — Чтобы снять защиту, ты должна сдать печать. Без неё не получишь доступ к делам.

Ловушка была простой и потому надёжной. Сохрани печать — сохрани возможность спасти брата, пока долг пишет отцовское лицо на его коже. Отдай печать — раздели цену, но останься снаружи хранилища.

— Есть третий вариант, — сказал Лин. — Я подписываю согласие терпеть знак десять дней. После этого никто не говорит, будто меня не спросили.

— Согласие не делает взыскание справедливым, — сказала Мира.

— Я не согласен с долгом. Я согласен рискнуть десятью днями, чтобы ты его оспорила.

Савел посмотрел на него с интересом мастера, заметившего редкий сплав.

— Формулировка возможна, — сказал он. — Писец внесёт её в дело.

— И ещё, — продолжил Лин. — Моё согласие нельзя использовать как признание отцовской ошибки.

Лойна уже писала.

Мира наконец повернулась к брату. В его лице по-прежнему было больше Лина, чем Ардена: короткий нос, светлые брови, упрямый подбородок. Но выражение она не могла приписать никому другому. Отец никогда не просил разрешения отвечать за себя. Мира — тоже.

— Хорошо, — сказала она.

Лин кивнул. Один раз, как при заключении сделки.

Савел вернулся к столу и достал из ящика узкую дощечку временного допуска. На ней были выжжены три названия: «Тихий колокол», «Детская чаша», «Северная скоба». Ниже он поставил срок — десятый вечерний удар через десять дней.

— Печать останется действующей, пока ты проверяешь эти дела, — сказал он. — Но ни одного другого заказа не возьмёшь. Цех не станет платить тебе за охоту против цеха.

— Цех и раньше мне не платил. Платили владельцы вещей.

— Теперь они будут знать, что твоё право ограничено.

Вот где находилась настоящая угроза. Без новых заказов не будет монет за комнату, уголь и еду. Если проверка затянется, Лину придётся держаться за работу у переплётчика, а Мира — продавать инструменты. Савел не отнимал ремесло. Он всего лишь делал его бесполезным на десять дней.

— Принимаю, — сказала она.

Он подал дощечку. Когда её печать коснулась выемки, медь обожгла пальцы. Открытый глаз над щипцами потемнел по краям. В приёмной любой заказчик увидит ограничение.

— И последнее, — сказал Савел. — Если в ходе проверки обнаружится, что ты скрыла предметы из мастерской Ардена, право будет прекращено немедленно.

— Поэтому вы поставили замок на ящик вчера?

— Поэтому я советую тебе принести всё, что ты нашла.

— Советы не заносят в дело.

— Этот стоит занести в память.

Мира убрала дощечку в футляр.

У двери Лойна передала Лину копию его заявления. Он прочёл каждую строку и только потом расписался. Шрам на его щеке не вырос за время разговора. Или рост был слишком медленным, чтобы заметить.

В коридоре Мира остановила брата.

— Ты должен был сначала спросить меня.

— О моём лице?

Она выдохнула.

— Нет. Ты не должен был.

— Второй исторический миг за утро.

— Не привыкай.

Лин улыбнулся своим ртом, чуть криво из-за белой полосы.

— Что теперь?

Мира посмотрела на потемневшую печать. Ещё вчера этот знак означал, что она может войти в любую лавку, потребовать открыть футляр и задать мастеру неудобный вопрос. Теперь он открывал только три двери, за каждой из которых стоял Савел.

Но двери всё-таки открывались.

— Ты идёшь за книгой купеческой гильдии, — сказала она. — Я ищу Ратена Воя.

— А потом?

— Потом мы проверим, что именно обещали три вещи. Не что о них записали после. Не что удобно считать долгом. Что они обещали в тот миг, когда приняли силу.

Она застегнула воротник поверх печати, но тёмный край остался виден.

Внизу, под золотыми словами о служащей исправлению ошибке, уже ждали люди со сломанными оберегами, чужими лицами и бумагами, которые говорили громче них. Мира спустилась по ступеням как охотница, получившая след.

Только теперь след вёл через её собственное имя.

Глава 4. Признание кузнеца

Ратен Вой работал там, где честный чеканщик работать не должен был: в проходе между красильней и кузницей, под навесом, который протекал сразу в четырёх местах.

Мира нашла его по звуку. Маленький молоток бил по металлу быстро, но без ровного ремесленного ритма: три удара, пауза, ещё два, длинная пауза. Так выправляли уже готовую вещь, стараясь не признать, что испортили её раньше.

На верстаке лежал серебряный пояс для роженицы. По краю шли слова обещания: «Удержать боль в пределах терпимого до прихода повитухи». Один знак был смят. Ратен выколачивал его с обратной стороны, придерживая пояс голыми пальцами.

— Ты испортишь букву, — сказала Мира.

— Уже испортил.

— Тогда зачем продолжаешь?

— Хочу выяснить, насколько сильно.

Он поднял голову. Узкое лицо, тёмные волосы с первой сединой у висков, кожаный фартук, прожжённый в трёх местах. Ратен выглядел не бедным, а временно лишённым всех вещей, которые полагались человеку его ремесла. Даже знак чеканщика висел на льняной нитке: цепь он, вероятно, продал.

— Проверяющая Лест, — сказал он. — Или уже нет?

Мира показала потемневший край печати.

— На десять дней.

— Поздравляю. Обычно Руден отнимает право целиком.

— Мне нужен независимый чеканщик.

— Тогда соболезную ему.

— Я назвала ваше имя.

Ратен положил молоток.

— Без спроса?

— Если бы спросила, вы бы отказались.

— Разумно. Отказываюсь.

Мира достала дощечку допуска и положила рядом с поясом. Ратен прочёл три названия. На «Детской чаше» его палец задержался.

— Вы её видели? — спросила Мира.

— Половина города видела. Она стоит в Тёплой Арке.

— Вы её чеканили?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, но Мира не умела слышать ложь. Быстрый ответ мог означать страх, раздражение или заранее приготовленную правду.

— Тогда почему отказ?

— Потому что через десять дней у меня всё ещё должна быть работа.

— Это работа. Я заплачу.

— Чем?

Она положила на верстак три лара — половину вчерашней платы Оршана.

Ратен посмотрел на монеты, затем на неё.

— За три дела?

— За первый день.

— А второй?

— Заработаю.

— Вам запретили заказы.

— Значит, продам что-нибудь.

— Печать?

— Щипцы.

Он взял одну монету, подбросил и поймал. Проверил край ногтем.

— Вы пришли нанять меня или показать, что умеете разоряться с достоинством?

— Нанять. Достоинство отдельно не оплачивается.

Из кузницы за стеной донёлся тяжёлый удар. Потом ещё один, глуше. Кто-то закричал: «Подпорку!» Ратен мгновенно отложил монету и побежал в соседний двор. Мира схватила футляр и последовала за ним.

Кузница занимала длинный каменный сарай. Внутри было жарко, воздух стоял чёрный от угольной пыли. У дальней стены трое работников держали железную балку, которая сорвалась с верхнего ложа. Один конец упёрся в кладку, другой медленно опускался, ломая деревянную стойку. Под балкой лежал мальчишка-раздувальщик. Ногю ему прижало упавшей решёткой.

— Домкрат! — крикнул кузнец.

— Под балкой!

Ратен кинулся к мальчишке, но Мира схватила его за фартук.

— Если ляжешь рядом, придавит обоих.

— Тогда держите.

Он сунул ей короткий лом. Мира упёрла его под решётку. Железо не сдвинулось. Двое подмастерьев навалились на балку плечами, третий подставил обломок стойки. Дерево затрещало.

Главный кузнец метался между горном и стеной. Мира знала его: Тарн Шеда, владелец мастерской, поставщик скоб для мостовых настилов. Широкий, с обожжённой бородой и руками, похожими на кувалды. Сейчас эти руки беспомощно скользили по горячему железу.

— Где большая подпорка? — спросила Мира.

— Треснула.

— Когда?

— Сейчас!

— До падения.

— Не время!

Балка опустилась ещё на палец. Мальчишка закричал.

Мира увидела лопнувшую стойку. На изломе древесины была тёмной, старой. Поверх трещины лежала свежая железная скоба, слишком светлая по краям. Её поставили недавно, чтобы стянуть испорченную подпорку. Один конец скобы вырвало. Отверстие вокруг него было не круглым, а рваным.

— Кто делал скобу? — спросила Мира.

Тарн оглянулся на неё с ненавистью.

— Я.

— Что сделал неправильно?

— Уберите её отсюда! — крикнул он работникам.

Никто не двинулся. Люди держали балку.

Мира подошла к Тарну вплотную.

— Вы знали, что стойка треснула. Стянули её скобой. Что сделали неправильно?

— Она должна была выдержать.

— Это не ответ.

— Проклятая проверяющая, парень там умрёт!

— Поэтому отвечайте точно.

Ратен понял первым. Он опустился возле мальчишки, заслоняя его лицо от угольной пыли.

— Тарн, — сказал он спокойно. — Не оправдывайся. Назови работу.

Кузнец посмотрел на треснувшую стойку, на вырванный конец скобы, на свои руки.

— Я взял мягкое железо, — произнёс он.

Ничего не произошло.

— Почему это ошибка? — спросила Мира.

— Потому что оно не держит.

— Какое последствие?

— Балка упала.

— Что вы можете исправить сейчас?

Тарн зажмурился. Пот катился по его лицу, оставляя светлые дорожки в саже.

— Я плохо закалил скобу, потому что не хотел снова греть горн. Она вырвала край стойки. Из-за меня Фень лежит под решёткой. Я должен поднять балку, чтобы его вытащили.

Последнее слово он почти прорычал.

По его предплечьям прошёл красный свет. Не пламя — тонкие линии, будто под кожей вспыхнули жилы раскалённого металла. Тарн пошатнулся, затем схватил опускающийся конец балки.

— Сейчас! — крикнул он.

Трое подмастерьев отступили, не веря, что можно отпустить. Кузнец поднял балку один. Не легко: ноги дрожали, сапоги скользили по угольной крошке, из носа пошла кровь. Но железо двинулось вверх.

Мира и Ратен одновременно налегли на лом. Решётка приподнялась. Мальчишка выдернул ногу и пополз, помогая себе локтями. Один из работников оттащил его к двери.

— Подпорку! — хрипел Тарн.

Подмастерья сунули под балку железный козёл, затем второй. Когда вес лёг на них, красные линии на руках кузнеца погасли. Тарн рухнул на колени.

В кузнице стало тихо, слышалось только шипение угля.

Ратен осмотрел ногу мальчишки. Кость не торчала, но щиколотка быстро пухла. Он велел принести доску и чистую ткань. Мира помогла затянуть шину. Фень плакал без звука, кусая рукав.

— Чувствуешь пальцы? — спросила она.

Он кивнул.

— Пошевели.

Пальцы двинулись.

— Повезло, — сказал один из работников.

Тарн сидел у стены, привалившись спиной к камню.

— Нет, — сказал он. — Не повезло.

Он смотрел на сломанную стойку так, словно видел её впервые.

Мира подошла к скобе. Вырванный конец был не просто мягким. Отверстие пробили слишком близко к краю, потом растянули ударами, чтобы подогнать под старый болт. Кузнец признал плохую закалку, но не назвал второй ошибки. Сила всё равно пришла.

— Вы не всё сказали, — заметила она.

Тарн поднял тяжёлый взгляд.

— Хватило.

— Для спасения — да. Для разбора — нет.

— Фень жив.

— А следующая скоба?

Он попытался встать, но ноги не держали.

— Завтра разберу все подпорки.

— Сегодня.

— Сила ушла.

— Руками работников. Вы покажете, что искать.

Тарн хотел выругаться, однако посмотрел на мальчишку и проглотил слова.

— Сегодня, — согласился он.

Ратен вынес Феня во двор. Послали за лекаркой. Когда вернулся, Мира всё ещё изучала скобу.

— Вы устроили допрос под падающей балкой, — сказал он.

— Я дала человеку силу её поднять.

— Вы не знали, что даст.

— Знала правило.

— Правило не обещает успех. Тарн мог признать ошибку и получить силу только на один удар молота.

— Тогда мы бы искали другой способ.

— Пока мальчика давило.

Мира выпрямилась.

— У вас был способ быстрее?

— Нет.

— Тогда спор о моей приятности отложим.

— Я спорю не о приятности. Признание не рычаг, который проверяющая дёргает в нужную минуту.

— Я не заставляла его лгать.

— Вы заставили его говорить при всех.

— Его ошибка придавила работника при всех.

Ратен снял фартук и вытер руки. На ткани осталась кровь Феня.

— Вот поэтому охотников не любят, — сказал он. — Вы всегда можете доказать, что были правы после того, как кому-то стало больно.

— А чеканщиков любят за то, что они прячут боль в красивом металле?

Он посмотрел на неё без злости, но очень внимательно.

— Покажите пластинку, которую нашли.

Мира достала не обломок из мастерской, а целую пластинку Нарвы. Ратен взял её щипцами, хотя металл был холодным. Прочитал три ступени. Провёл ногтем по насечкам.

— Исправление завершено?

— Девочка выздоровела. Мать ухаживала за ней и отдала признание сборщику за лечение.

— Тогда силы здесь быть не должно.

— Но она есть.

— Проверяли нитью?

— Дважды.

Ратен вернулся под свой навес. Из ящика достал тонкий обруч из белого металла и положил пластинку в середину. Обруч был разомкнут. Если внутри находилась сила, концы должны были сблизиться.

Они дрогнули и сошлись на толщину волоса.

— Остаток мал, — сказал он. — Меньше четверти меры.

— Достаточно для силовой пломбы.

— Или для следа после грубого отделения.

— Отделения чего?

Ратен перевернул пластинку. На обороте шли почти невидимые царапины, четыре параллельные линии.

— Здесь лежала вторая пластинка. Их спаяли краями, потом разняли. Когда одна запись расходует силу, часть проходит в соседнюю.

— Можно зарядить чужое признание?

— Ненадолго. Это не полноценная мера. Скорее запах силы.

— Достаточный, чтобы нить показала подлинность.

— Если охотница проверяет только наличие следа.

Мира почувствовала, как внутри сдвинулось что-то неприятное и знакомое. Четыре года назад она проверяла Детскую чашу. Обещание снимать жар выполнялось: вода в ней холодела, ребёнку становилось легче. Силовой след был чистым. Мира изучила клеймо мастера, сплав и расход. Происхождение каждой пластинки не проверила — заказ касался действия вещи, а не учёта признаний.

Она назвала это достаточной проверкой.

— Вы видели такой спай раньше? — спросила она.

— Видел.

— Где?

— В работе учеников. Так показывают перенос между частями одной реликвии.

— И в Детской чаше?

Ратен начал складывать инструменты.

— Я уже сказал, что не чеканил её.

— Я спросила, видели ли вы спай.

— А я ещё не согласился работать на вас.

Мира взяла три монеты и убрала в кошель. Одну оставила на верстаке.

— За осмотр пластинки.

— Я не просил.

— Работа сделана.

— Вы всегда платите людям вопреки их желанию?

— Только если они сделали полезное.

Ратен толкнул монету обратно. Она покатилась, ударилась о пояс для роженицы и легла орлом вверх.

— Детскую чашу чеканил мой ученик, — сказал он. — По моему рисунку.

Мира не притронулась к монете.

— Имя?

— Жар Ковень. Умер три года назад.

— От чего?

— Упал с лестницы в главном хранилище.

— Свидетели?

— Савел.

— Ещё?

— Я.

Под навесом капала вода. Одна капля попала на серебряный пояс, и Ратен машинально вытер её рукавом.

— Почему ваше имя не стоит в деле чаши? — спросила Мира.

— Потому что рисунок признали негодным. Я обещал снимать жар один раз, пока придёт лекарь. Цех захотел чашу, которая работает каждую ночь. Жар изменил канавки, добавил накопитель и сдал вещь как свою.

— Он мог это сделать без разрешения мастера?

— После того как меня отстранили от городских заказов.

— За отказ подписать заключение Рудена?

Ратен усмехнулся.

— Вы собирали слухи.

— Мне нравятся слухи, которые можно проверить.

— Заключение касалось защитного огня. Нить была впаяна снаружи и теряла половину силы. Я отказался написать, что расход соответствует обещанию. Савел назвал это спором о ремесленных мелочах.

— И отдал ваш заказ ученику.

— Жар хотел стать мастером. Я хотел остаться правым. Оба получили не то.

В этих словах не вспыхнуло красного света. Признание было слишком общим. Ратен назвал желание и итог, но не поступок, последствие и исправление. Возможно, сделал это нарочно.

— Что произошло в хранилище? — спросила Мира.

— По официальной записи, Жар полез на верхнюю полку без лестничного крюка. Ступень сломалась.

— А по-вашему?

— Я видел его на полу. Лестница лежала рядом целая.

— Вы сказали следователю?

— Савел был следователем.

— Значит, промолчали.

— Значит, хотел выйти из хранилища на ногах.

Мира могла бы надавить. Спросить, кого именно Ратен оставил без защиты своим молчанием, какое последствие ещё можно исправить. После кузницы она знала, что точный вопрос иногда даёт силу. Но также поняла сказанное Ратеном: признание не было её рычагом.

Она закрыла футляр.

— Мне нужен не человек, который не боится Савела, — сказала она. — Таких, вероятно, нет. Мне нужен тот, кто умеет бояться и всё равно отличает один удар от трёх.

— Красиво.

— Практично. Вы получите три лара за день и долю после возврата платы за ложные заключения.

— У вас нет такой платы.

— Появится, если докажем подделку.

— А если докажем вину вашего отца?

Мира посмотрела на пластинку Нарвы.

— Тогда запишем её как его вину. Не как лицо Лина.

Ратен долго молчал. Потом взял монету, лежавшую у пояса, и спрятал в карман.

— Первый день, — сказал он. — Остальные две после осмотра чаши.

— Значит, согласны?

— Значит, продаю вам один день. Не приписывайте вещам лишних обещаний.

Они вернулись в кузницу, чтобы взять письменное свидетельство Тарна. Лекарка уже увезла Феня. Работники сняли балку и разложили на полу четыре скобы. Две были сделаны из хорошего железа. Третья имела растянутое отверстие. Четвёртая треснула у сгиба.

Тарн сидел за столом и диктовал подмастерью:

— Напиши: использовал мягкое железо после того, как мастерская получила оплату за твёрдое. Не закалил повторно. Растянул отверстие вместо новой скобы. Из-за этого стойка не выдержала.

Подмастерье остановил перо.

— Всё это писать?

— Всё.

— Управа закроет кузницу.

— Если не напишем, её закроет следующая балка.

Мира положила перед ним лист свидетельства.

— Добавьте, какую силу получили и на что потратили.

Тарн посмотрел на свои дрожащие руки.

— Поднял балку. Держал, пока вытащили Феня. После этого сила ушла.

— Не осталось?

— Если бы осталось, я бы сейчас не просил мальчишку держать перо.

Ратен обошёл балку и осмотрел место, где лежали ладони кузнеца.

— Следа нет, — подтвердил он. — Сила пошла прямо в исправление. Металл её не принял.

Мира вынула пластинку Нарвы и положила рядом со свидетельством.

— Здесь последствие тоже исправлено. Но след остался.

Тарн прочитал запись.

— Кто чеканил?

— Неизвестно.

— Тогда ищите того, кто отделил силу до исправления. Признание не вода в бочке. Его нельзя зачерпнуть после. Надо поставить железо рядом в тот миг, когда человек говорит.

— Или заранее спаять две пластины, — сказал Ратен.

Кузнец поднял на него взгляд.

— В цехе так не учат.

— Учат показывать перенос.

— На пустых учебных заготовках.

— Кто-то решил, что бедняк тоже заготовка, — сказала Мира.

Тарн расписался в свидетельстве и приложил большой палец, чёрный от сажи. Затем неожиданно протянул лист Ратену.

— Проверьте скобы на мостках, когда закончите с её делом.

— Почему я?

— Потому что вы увидели второй след на пластинке. А она, — Тарн кивнул на Миру, — увидела отверстие у края.

— Проверка будет стоить денег.

— Теперь знаю.

Во дворе Ратен шёл молча. У ворот он остановился.

— Сила появилась не от стыда, — сказал он.

— Я видела.

— Тарну было стыдно с первого крика. Пока он говорил «скоба должна была выдержать», ничего не произошло. Сила пришла, когда он назвал своё действие, вред и то, что сделает сейчас.

— Значит, записи в цехе неверны. Там считают меры по тяжести вины.

— Тяжесть удобнее продавать. Чем хуже человек о себе думает, тем дешевле соглашается отдать признание.

— Но сила зависит не от того, насколько он плох.

— От того, насколько точно связывает ошибку с исправлением.

Мира вспомнила Нарву, которая сказала: «Я поставила ковш на край. Иса обожглась. Я не отходила от неё семь ночей». В её словах были все три части. Сила должна была помочь ухаживать за дочерью и исчезнуть, когда помощь закончилась. Кто-то успел снять часть в момент признания, ещё до того, как Нарва начала исправлять вред.

— Чудо хранит не вину, — сказала Мира.

— Конечно нет.

— Тогда что?

Ратен посмотрел назад, на кузницу. Работники выносили из сарая следующую подпорку, тяжёлую и целую.

— Незаконченное движение, — ответил он. — Силу человека между «я сделал» и «я исправил». Цех просто научился задерживать его руку.

На улице пробили полдень. У Миры оставалось девять с половиной дней, две монеты в кошельке и независимый чеканщик, согласившийся пока лишь на один день.

Но впервые после уведомления у неё было не только подозрение.

У неё было правило, которое можно проверить на каждой вещи.

Глава 5. Три обещания вещи

Первый городской оберег висел над мостом и обещал не дать человеку упасть в воду.

Обещание было выбито на бронзовой доске крупнее имени мастера, цены и срока службы. Мира подняла голову, прочла его дважды и спросила:

— Всегда?

Смотритель моста перестал ковырять известь из щели парапета.

— Что — всегда?

— Не даёт упасть.

— Для того и висит.

— Если я сяду на перила и перевешусь наружу?

— Вы не станете.

— Если ребёнок полезет за мячом?

— Его мать поймает.

— Если возчик потеряет сознание и свалится с козел?

Смотритель почесал щеку. Мира видела, как он ищет ответ, который не превратит чудо стоимостью в четыре дома в бесполезную доску.

— Тогда, наверное, удержит, — сказал он.

Ратен стоял рядом, сунув руки под фартук, и разглядывал крепления. После кузницы он не вернулся под свой дырявый навес. Взял с верстака обруч, три иглы, маленькие весы и сказал, что первый день ещё не кончился. Мира не напомнила, что из трёх монет он забрал только одну.

— Здесь написано не «наверное», — сказала она смотрителю. — Здесь написано «не даст человеку упасть в воду».

— А вы хотите упасть?

— Хочу понять, что купил город.

По мосту тянулись телеги с мукой. Колёса гремели на стыках, лошади фыркали, прохожие обходили Миру и Ратена, принимая их за сборщиков пошлыны. Под арками бежала Луска — быстрая, холодная после ночного дождя. У берега женщины полоскали шерсть. Если оберег не сработает, свидетелей будет достаточно. Утешение слабое.

Ратен провёл ногтем по нижнему краю доски.

— Материал, действие, источник, — сказал он.

— Это и есть ваши три обещания?

— Это три вещи, о которых мастер говорит покупателю, даже если молчит. Из чего сделал. Что вещь совершит. Чем она за это платит.

— Материал ничего не обещает.

— Обещает не рассыпаться раньше срока. Вы же не станете покупать котёл из воска только потому, что он хорошо греет воду в первый раз.

Смотритель нахмурился.

— Доска бронзовая.

— Снаружи, — сказал Ратен.

Он попросил лестницу. Смотритель отказался. Мира показала дощечку допуска, и отказ превратился в долгое ворчание о том, что всякий умеющий читать считает себя хозяином моста. Лестницу всё же принесли.

Ратен поднялся к берегу, простучал края деревянной ручкой молотка, затем приставил к бронзе белую иглу. Та не дрогнула. Вторую иглу он приложил к заклёпке. Игла повернулась и указала остриём вниз.

— Оболочка бронзовая, — сказал он. — Сердцевина железная. Не преступление. Железо принимает толчок лучше.

— Почему это не указано в описи? — спросила Мира.

Смотритель развёл руками.

Ратен спустился и раскрыл городскую копию свидетельства. На ней значилось: «оберег бронзовый, литой, с цельным сердцем». Он поднёс лист к свету.

— Цельное сердце можно понять двумя способами, — сказал он. — Хороший приказчик выбрал бы тот, который дороже.

— А охотница?

— Тот, который можно проверить.

Мира осмотрела парпет. Через каждые десять шагов в камне темнели железные круги величиной с монету. Она коснулась ближайшего щипцами. По рукоятям прошёл лёгкий холодок.

— Сеть, — сказала она.

Ратен кивнул.

Они разматывали льняную нить и связали ею два круга. Нить натянулась сама, хотя ветер стих. Значит, оберег не следил за людьми и не ловил падающих. Он держал поле между доской и железными вставками в парпете.

Мира положила на перила мешочек с песком и медленно столкнула его наружу. Мешочек пролетел ладонь, дёрнулся в сторону и ударился о стену моста. Не упал, но и не вернулся. Повис, прижатый к камню невидимой силой.

— Он удерживает всё, что пересекает край, — сказала она.

— Пока вес не больше трёх пудов, — отозвался Ратен. — Может быть, четырёх.

Смотритель оживился.

— Человек меньше трёх пудов.

— Не каждый, — сказала Мира. — А телега больше.

— Телеги не ходят по перилам.

Мира вытащила мешочек. На ткани остался бурый след. Она понюхала его: ржавая вода.

— Действие соответствует обещанию для обычного человека, — признала она. — Хотя написано слишком широко.

— Теперь цена, — сказал Ратен.

На обороте свидетельства были перечислены двенадцать пластинок признаний. Возчики перегружали оси, лодочки выходили в туман, каменщики плохо крепили леса. Каждая ошибка могла привести к падению. Возле каждого имени стояла строка: «последствие не исправлено». Ни дат, ни способа исправления.

Мира выбрала пластинку каменщика Дая Оврука. Восемь лет назад он признал, что оставил незакреплённую доску на лесах. Доска упала и разбила торговке плечо. В качестве исправления Оврук должен был оплатить лечение и укрепить все леса на стройке.

— Здесь только первая половина, — сказала она. — Ошибка есть, вред есть, а работа записана как незавершённая.

— Может, он не заплатил, — предположил смотритель.

— Может. Найдём.

Оврук оказался на другом конце моста. Он продавал печёные яблоки из лотка, потому что после падения с лесов одна нога у него не сгибалась. Услышав имя, он решил, что пришли за старым сбором, и накрыл монеты ладонью.

— Я всё отдал, — сказал он. — И ей, и цеху.

— Торговке оплатили лечение?

— Два месяца. Потом женился на ней, но это в счёт не ставьте. Она сама решила.

Женщина за лотком фыркнула.

— Если бы в счёт, он был бы должен мне ещё три жизни.

— Леса укрепили? — спросила Мира.

— Все до последней доски. Потом меня с них и сдуло. Оберег тогда ещё не висел.

— Когда вы признались?

— В управе. Был сборщик с серебряной чашей. Сказал: город поможет лечению, если я честно назову ошибку. Я назвал. Мне хватило силы одному поднять воз с камнем, под который попала телега лекаря. Воз поднял, лекаря выпустил. Потом неделю ложку держать не мог.

Мира посмотрела на Ратена. Исправление было совершено. Сила ушла в другое действие, прямо связанное с вредом: Оврук освободил лекаря, который лечил пострадавшую женщину. Но пластинка восемь лет питала мост.

— Можно взять ваш палец? — спросил Ратен.

Оврук спрятал руки за спину.

— Зачем?

— Не резать. Приложить к металлу.

Мира показала допуск и объяснила проверку. Оврук согласился лишь после того, как жена обозвала его ослом и сама вытащила пластинку из оправы. Он прижал палец к своему имени. Оберег над мостом тихо загудел. Железные круги в парапете покрылись росой.

— Узнаёт владельца признания, — сказал Ратен.

— Значит, запись настоящая.

— Запись — да. Остаток силы — нет.

Он поставил белую иглу на край пластинки. Та повернулась поперёк имени, как стрелка компаса. На соседней пластинке повторилось то же. И на следующей.

— Спайка? — спросила Мира.

— Не здесь. Все пластины соединены с сердцевинной одной жилой. Часть силы пришла извне и только помечена их именами.

— Чья?

— Этого вещь не говорит.

Смотритель с облегчением ухватился за последнее слово.

— Значит, оберег работает, металл хороший, имена настоящие. Можно закрывать.

Мира перечитала обещание над водой. Первые два слоя почти не лгали. Третий был подменён так ловко, что город мог показывать благодарным семьям имена раскаявшихся людей, не расходуя их силу и не объясняя, чью расходует на самом деле.

— Нельзя, — сказала она. — Оберег удерживает людей. Но цена на нём чужая.

Она записала заключение: «Действие подтверждено в пределах веса. Материал описан неполно. Заявленный источник не подтверждён; именные пластины служат метками, а не запасом силы».

Смотритель прочитал через её плечо.

— Не пишите «чужая». Начальство решит, что вещь надо снять.

— А её надо снять?

Он посмотрел на реку, на женщин у берега, на мальчика, который бежал вдоль перил, волоча палку.

— Надо узнать правду, — сказал он после паузы. — Но не сегодня утром.

— Это уже ближе к честному ответу.

Второй оберег стоял в Тёплой Арке перед лечебницей. Его называли Детской чашей, хотя она была размером с таз и в неё мог бы сесть ребёнок. Вода в серебряной чаше оставалась прохладной даже в жару. Ею смачивали лбы больных, когда лекарки не успевали ко всем сразу.

Мира проверяла чашу четыре года назад. На стене лечебницы до сих пор висела копия её заключения с красной печатью: «Подлинна. Обещанное действие исполняет. Источник силы чист».

Последние три слова теперь казались написанными чужой рукой.

Старшая лекарка Оста встретила их без радости.

— Опять будете выливать воду?

— В прошлый раз я вылила один ковш.

— У нас было двенадцать детей с горячкой.

— Поэтому я вернула ковш.

— После того как понюхали, нагрели, заморозили и сунули туда медную проволоку.

Ратен кашлянул, пряча улыбку.

— Сегодня начнём без проволоки, — сказала Мира.

У чаши было два обещания, одно выбитое, другое принятое на веру. На ободке стояли слова: «Снять лишний жар до прихода лекаря». Лечебница же рассказывала родителям, что вода лечит горячку. Разница помещалась в одном глаголе и могла стоять ребёнку жизни.

— Вы говорите людям, что чаша лечит? — спросила Мира.

Оста поджала губы.

— Мы говорим, что она помогает.

— А они слышат?

— То, что хотят. Когда ребёнок горит, мать готова услышать обещание даже от пустого ведра.

— Исправляете?

— Если успеваем.

Мира опустила в чашу два одинаковых железных шарика. Один предварительно нагрела над свечой. Вода вокруг него задрожала. На серебре проступили белые линии, и через несколько мгновений шарик остыл. Второй остался таким же холодным, каким был. Чаша различала лишний жар, а не просто охлаждала всё подряд.

Материал был честен: серебро с узким кольцом олова, как значилось в описи. Действие тоже. Мира провела пальцем по чеканке Жара Ковеня. Ровные буквы, неглубокий лист по краю, в завитке спрятана точка ученика. Ратен не смотрел на неё. Он смотрел на чашу.

— Это ваш рисунок, — сказала Мира.

— Мой первый. Чеканил Жар.

— Вы принимали работу?

— Нет. Савел сказал, что ученик должен сам ответить за вещь.

— И ответил?

— Погиб раньше проверки.

Оста отвернулась к полкам с пузырьками. В лечебнице знали о смерти ученика, но, вероятно, не знали, зачем он был в главном хранилище.

Пластины признаний находились под чашей. Их нельзя было вынуть, не сорвав городскую пломбу. Мира имела право открыть оправу, но после этого лечебница осталась бы без холодной воды до повторной приёмки. Она спросила, сколько больных сейчас зависит от чаши.

— Семеро, — ответила Оста. — К вечеру будет больше.

— Значит, не вскрываем.

Ратен поднял глаза.

— А как проверим источник?

— Не ломая пломбу.

Они обвязали чашу нитью и по очереди коснулись всех доступных знаков. След силы шёл не снизу, где лежали пластины, а из поллой ножки в стену. Мира отодвинула шкаф с чистыми тряпками. За ним обнаружилась тонкая металлическая жила, замазанная известью. Она уходила вверх, к крыше.

Оста побледнела.

— Этого не было.

— Четыре года назад? — спросила Мира.

— Я не помню.

Мира помнила. Шкаф стоял на том же месте. Она попросила его отодвинуть, увидела свежую побелку и решила, что стена ремонтировалась после сырости. В заключении написала: «скрытых подключений не обнаружено».

— Было, — сказала она. — Я не проверила.

Ратен ничего не ответил. Даже не повернул голову. От этого её собственные слова прозвучали громче.

Они поднялись на чердак. Жила проходила под стропилами и соединялась с толстым городским проводом, который связывал лечебницу с главным хранилищем. На соединении стояла новая пломба, но под ней сохранился отпечаток старой — в форме раскрытой ладони.

— Чаша получает силу из хранилища, — сказала Мира.

— И отдаёт туда, — добавил Ратен. — Жила двусторонняя.

— Зачем ей отдавать?

— Когда мать признаёт ошибку у постели ребёнка, чаша рядом.

Мира вспомнила Нарву. Серебряная чаша, больная Иса, сборщик, обещавший помощь за точные слова. Сила могла уходить через ножку в стену прежде, чем мать тратила её на уход.

Оста стояла на лестнице, держась за перекладину.

— Матери говорят многое, — тихо произнесла она. — Что поздно заметили жар. Что оставили окно открытым. Что дали не ту траву. Иногда они виноваты. Чаще просто напуганы.

— Пустое самообвинение силы не даёт, — сказал Ратен.

— А точное даёт, — ответила Мира. — Если мать действительно ошиблась и называет последствие.

— Чаша снимает жар у её ребёнка, — возразила Оста. — Разве это не исправление?

— Исправление. Но мать думает, что тратит свою силу здесь. А часть уходит в хранилище. Ей не называют цену.

Они спустились в зал. У чаши женщина держала на руках девочку лет пяти. Девочка тяжело дышала, волосы прилипли ко лбу. Мать смочила ткань и прошептала:

— Я не закрыла ставню. Ночью её продуло. Я виновата.

Белая линия на ободке вспыхнула. Вода дрогнула. Одновременно в стене едва слышно звякнул металл.

Мира подошла ближе.

— Кто сказал, что девочка заболела из-за ставни?

Женщина испуганно прижала ребёнка.

— Никто. Я сама знаю.

— Лекарка осматривала?

Оста уже была рядом. Коснулась шеи девочки, посмотрела горло, попросила открыть рот.

— Это не от ветра, — сказала она. — У неё та же горячка, что у остальных. Вы не причиняли её открытой ставней.

Свет на чаше погас. Силы не возникло: мать обвиняла себя в том, чего не делала. Но вода оставалась холодной за счёт запаса из хранилища.

Мира почувствовала облегчение и сразу устыдилась его. Правило работало, однако рядом был больной ребёнок, а она радовалась чистоте доказательства.

— Не говорите родителям признаваться, — сказала она Оста.

— Мы и не говорим.

— Сборщики говорят.

— Сборщики помогают платить за лекарства.

— Они берут силу в тот миг, когда человек не способен торговаться.

Оста выпрямилась.

— А вы способны предложить другое? Сегодня, не после суда и красивой речи? У меня семеро детей. К ночи может быть двадцать. Если вы остановите чашу, принесите двадцать тазов льда.

Мира посмотрела на девочку. Та открыла глаза и попросила пить.

— Чашу не останавливаем, — сказала Мира. — Жилу опечатаем так, чтобы сила шла только сюда, не обратно.

— Можно поставить односторонний зубец, — сказал Ратен. — До вечера продержится. Потом металл устанет.

— До вечера найду замену.

— Вы не имеете права менять городскую вещь, — напомнил он.

Мира показала тёмный край допуска.

— Ещё девять дней имею.

Они вернулись на чердак. Ратен вырезал из серебряной иглы крошечный клин и вбил между жилой и проводом. Работа заняла несколько минут. Когда закончил, на его большом пальце выступила кровь.

— Теперь хранилище может питать чашу, но не забирать силу из зала, — сказал он. — Если запас там настоящий.

— А если краденый?

— Дети всё равно не выбирали, чем их лечат.

Внизу Мира составила новое заключение. Материал соответствует. Заявленное действие соответствует. Источник скрыт, цена взималась без предупреждения; обратный сбор временно прекращён. Старое заключение признать неполным.

Перо остановилось на последней строке.

— Напишите «ошибочным», — сказал Ратен.

— Оно было верно в двух частях из трёх.

— Если лекарь верно назвал две здоровые кости и пропустил сломанную, заключение полное?

— Вы нанялись чеканить, а не выбирать слова.

— Я продал вам день. В день вошла правда.

Мира посмотрела на свою красную печать на стене. Четыре года она приводила Детскую чашу как пример тщательной работы. Молодые охотники учились по копии её заключения. Заказчики видели имя Лест и соглашались платить больше.

Она зачеркнула «неполным» и написала «ошибочным».

Никакой силы не пришло.

— Не считается, — сказала Мира.

— Что?

— Я признала ошибку.

— Вы написали слово на бумаге.

— При свидетелях.

— И что собираетесь исправить?

Мира хотела ответить, что уже поставила зубец. Но зубец сделал Ратен. Хотела указать на новое заключение, однако лист ещё лежал на столе и ничего не изменил ни для родителей, ни для тех, чьи признания ушли в хранилище.

— Передам в управу, — сказала она.

— Тогда, может быть, сила понадобится там.

Третий оберег защищал хлебный склад от огня. К нему они пришли после полудня, голодные и злые друг на друга. Управляющий складом велел выдать им по ломтю вчерашнего хлеба, но сам на проверку не спустился. Он считал, что огонь не умеет читать заключения.

Над воротами висела чёрная железная ладонь. Обещание было коротким: «Погасить первое пламя». Под ним честно перечислялось: выкована из старых печных заслонок; питается признанием пекаря Васта Мерна, который оставил ночную печь без присмотра; сила удерживается до одного срабатывания; после этого ладонь заменить.

— Слишком просто, — сказала Мира.

— Поэтому вы ей не верите?

— Поэтому проверю особенно тщательно.

Материал совпал. В железе сохранилась сажа нескольких печей, но трещин не было. Васт Мерн оказался жив, держал пекарню за складом и без торга подтвердил каждую строку.

— Уснул после двух суток у печи, — рассказал он. — Загорелся навес. Складские оттащили бочки, я признался и получил силу выломать горящую балку. Но не успел исправить всё: искры ушли на крышу склада. Старый охотник предложил отдать остаток в ладонь. Один раз она погасит огонь, который начнётся здесь. После этого мой долг перед складом закончен.

— Вы согласились добровольно? — спросила Мира.

— Мне дали выбор: самому три года дежурить по ночам или сделать ладонь. У меня тогда жена родила двойню. Выбрал ладонь.

— Можно было отказаться от обоих способов?

Васт подумал.

— Можно было идти к судье и предлагать третий. Я не пошёл.

Ратен проверил пластинку, соединение и железный сердечник. Никаких скрытых жил. Никаких вторых имён. Сила лежала в ладони тяжёлым тёплым комком и тянулась только к складу, которому угрожали искры.

Для проверки действия управляющий разрешил зажечь клочок пакли в каменном ящике. Мира поставила его у стены, приготовив ведро. Пламя поднялось на палец. Железная ладонь разжала согнутые пальцы. По складу прошёл порыв воздуха, пахнувший мокрой золой, и огонь исчез.

Исчезла также сила. Ладонь остыла и больше не шевелилась.

Управляющий наконец прибежал с верхнего этажа.

— Вы истратили оберег ради проверки!

— В свидетельстве написано: после проверочного срабатывания склад обязан поставить новый в течение трёх дней, — сказала Мира.

— Где я возьму деньги?

Васт Мерн рассмеялся.

— А вот теперь это не мой долг.

Он произнёс это без злобы. Скорее с облегчением человека, который восемь лет проходил мимо железной ладони и ждал, когда она наконец раскроется.

Мира записала: «Материал честен. Действие исполнено полностью. Источник назван, согласие подтверждено, связь с исправлением прямая. Сила израсходована. Обязательство Васта Мерна завершено».

— Вот настоящее чудо? — спросил управляющий.

— Настоящая вещь, — ответила Мира. — Чудом её делает не сила. Честная цена.

Они вышли со склада, когда на башне пробило четыре. У Миры осталось девять дней, одно ошибочное заключение, два оберега со скрытым источником и третий, который теперь представлял собой кусок холодного железа, зато никому не лгал.

Ратен сел на пустую бочку у пекарни и доел хлеб. Мира осталась стоять.

— Вы обещали день, — сказала она.

— Солнце ещё не село.

— Дня хватило, чтобы понять правило. Дальше я справлюсь.

— Нет.

— Это оценка моих способностей или просьба о второй монете?

— Оба варианта были бы вежливее правды.

Он вытер крошки с ладони.

— Вы проверяли три вещи как охотница. Смотрели, исполняют ли они надпись. Сегодня начали проверять как покупатель: из чего сделаны, что именно делают и кто заплатил. Но в главном хранилище лежат вещи, которые сами назначают цену. Одной нитью вы их не разберёте.

— Вы были в хранилище?

Ратен посмотрел на свой порезанный палец.

— Был у двери в ту ночь, когда погиб Жар.

— Почему раньше не сказали?

— Вы раньше не признали, что ваше заключение ошибочно.

— Я написала это после того, как вы уже согласились работать.

— Согласился на день. Сейчас решаю про второй.

Мира села на соседнюю бочку. Между ними пахло хлебом, золой и рекой. Она достала последнюю монету из тех, что приготовила на работу, и положила на доску.

— Второй день.

Ратен не взял её.

— Сначала исправьте ошибку.

— Зубец стоит.

— Это моя работа. Ваше заключение четыре года висело на стене и учило других не искать скрытую жилу.

— Я передам новое в управу.

— Передадите тихо. Старое снимут тихо. А люди, которым вы показывали чашу как образец, продолжают проверять по-старому.

Мира поняла, чего он требует. Не отчёта. Не новой печати поверх старой. Публичного признания, которое ударит по имени Лест сильнее любого решения Савела.

— Завтра, — сказала она.

— Почему не сейчас?

— Потому что сегодня мне нужна сила не для красивого жеста. Я найду мастерицу, которую разорило моё заключение. Назову перед ней, что именно сделала. Исправление должно иметь адрес.

Ратен долго молчал, затем взял монету.

— Второй день, — сказал он.

Мира посмотрела в сторону цеховой башни. Высоко над крышами горели защитные огни, каждый будто обещал городу одно и то же: ночь не причинит вреда.

Теперь она видела в этом обещании три вопроса.

Из чего сделано.

Что совершит.

Кто заплатил.

Глава 6. Первая ошибка Миры

Мастерицу звали Сета Гран, и искать её не пришлось.

Она сама ждала у дверей Палаты проверок, держа под мышкой запаянный рабочий футляр.

Утро только начиналось. Писцы снимали ставни, дворник гнал воду по каменным ступеням, первые просители занимали места вдоль стены. Сета стояла отдельно. Невысокая, крепкая, с обрезанными у подбородка седыми волосами. На левом глазу белело пятно старого ожога. Футляр был слишком велик для неё, но помощи она не просила.

— Мне сказали, ты вчера исправила своё заключение по Детской чаше, — произнесла она вместо приветствия.

— Кто сказал?

— В лечебнице умеют читать.

Мира посмотрела на медные обручи футляра. Через замок проходила свинцовая лента с её собственной печатью. Девять лет назад зарубок на рукояти было три. Оттиск получился неровным, но узнаваемым.

— Вы принесли его сюда?

— Нет. Шесть лет назад Палата принесла его мне. Вчера я забрала футляр со склада невостребованных вещей. За хранение должна семь ларов.

— Зачем забрали?

— Хотела увидеть, способна ли ты произнести моё имя раньше слова «ошибка».

Ратен пришёл со стороны рынка, неся бумажный свёрток с двумя горячими лепёшками. Увидел Сету, футляр и печать Миры. Одну лепёшку молча протянул мастерице.

— Я не голодна, — сказала та.

— Тогда держать будет легче.

Сета взяла. Футляр перешёл к Ратену. Он едва не уронил его и быстро сделал вид, будто хотел проверить вес.

— Камни носите? — спросил он.

— Инструменты. Камни пришлось продать.

Мира помнила дело Сеты Гран лучше, чем хотела признать. Три дымных колокольца для красивого ряда. Они должны были звенеть при первом появлении ядовитого дыма, открывать верхние створки и давать работникам время выйти. Заказ был крупный: красильщики собирали деньги два года. Сета изготовила колокольца одна, отказавшись от цехового подрядчика.

На приёмной проверке первое колокольце промолчало. Второе звякнуло слишком поздно. Третье раскололось, когда Мира поднесла дымную чашу ближе. Она признала весь заказ опасной подделкой. Красильщики потребовали деньги назад. Сета не смогла вернуть их сразу, лишилась мастерской, а футляр запечатали до выплаты.

Через месяц цех установил собственные обереги втрое дороже.

— Я помню дело, — сказала Мира.

— Дело помнит бумага. Ты помнишь, как меня звали?

— Сета Гран. Мастер дымных вещей. Три колокольца для красивого ряда. Приёмка шесть лет назад, вторая неделя Сухого месяца.

— И почему они не сработали?

— Потому что не получили силу.

— Это было в заключении.

— Я спрашиваю, что произошло на самом деле.

Сета откусила лепёшку, прожевала и только потом ответила:

— На самом деле ты позволила цеховому сборщику заменить мои пластины перед проверкой.

— Я осматривала пломбы.

— Осматривала. Красивые были.

— Ваши пластины имели номера.

— Мои номера. Не мои признания.

Ратен поставил футляр на ступень.

— Откуда знаете?

— Потому что сама собирала признания. Один красильщик перелил едкую соль и обжёг ученику руки. Исправил вытяжку. Второй сушил ткань над печью, устроил пожар и потом месяц дежурил по ночам. Третья закрыла створки во время варки и отравила сестру; после этого сделала верхний привод, который можно открыть с пола. Они отдали остатки силы добровольно. Я впаяла пластины. Перед проверкой старший потребовал цеховую пломбу. Футляр унесли на одну ночь. Утром пластины выглядели так же и были пусты.

— Почему не сказали тогда?

Белое пятно на глазу Сеты сделало её взгляд неподвижным.

— Сказала.

Мира вспомнила мастерскую, запах горелой квасцовой соли, толпу красильщиков. Сета кричала, что пластины подменили. Цеховой сборщик показывал целые пломбы. Мира велела всем замолчать, чтобы закончить испытание.

В заключении появилась строка: «Заявление мастера о подмене не подтверждено».

— Вы сказали, — согласилась Мира.

— Уже лучше.

Палата открылась. Просители двинулись внутрь, обходя их троих. На двери висела доска публичных исправлений: сюда прибывали отменённые решения, предупреждения о негодных вещах и сообщения мастеров о браке. Новое заключение по Детской чаше лежало у Миры в футляре. Она могла отдать его писцу, дожидаться подписи старшего и через три дня увидеть на доске. Так полагалось.

— Я хочу проверить ваш футляр, — сказала она.

— Он пустой.

— Вы сказали, внутри инструменты.

— Для работы пустой. Без мастерской, камней и права ставить знак они железный лом.

— Долг выплачен?

— Красильщикам — да. Шесть лет чинила котлы, точила ножи, подметала у литейщиков. Палате за хранение — нет. Потому замок остался.

— Семь ларов?

— Семь и две восьмушки.

У Миры было две монеты, одна из которых уже принадлежала Ратену. Домашний запас она не имела права трогать без разговора с Лином. Даже если выплатить хранение, это не вернёт Сете мастерскую и имя.

— Что можно исправить сейчас? — спросила Мира.

Сета усмехнулась.

— Вот как заговорила. Будто меня под балкой зажало.

— Что можно исправить?

— Снять твою печать. Вернуть мне право ставить знак мастера. Опубликовать, что пластины подменили до приёмки.

— Последнее пока не доказано.

— Тогда ты ничего не поняла.

— Я могу признать только собственную ошибку. Я не проверила пластины после ночи у сборщика и назвала ваше заявление неподтверждённым, потому что пломбы были целы. Подмену совершил кто-то другой. Если я припишу её себе, признание будет ложным.

Сета перестала улыбаться.

— Значит, всё-таки научилась различать.

— Поздно.

— Для моей мастерской — поздно. Для следующей — посмотрим.

Мира сняла со спины рабочий футляр и достала новое заключение по Детской чаше. Затем вынула чистый лист. Писать на ступенях было неудобно. Ратен подставил большой футляр Сеты вместо стола.

— Что ты делаешь? — спросила мастерица.

— Исправление должно иметь адрес.

Мира написала крупно, чтобы строку можно было прочесть с нескольких шагов.

«Я, проверяющая Мира Лест, шесть лет назад признала три дымных колокольца мастерицы Сеты Гран опасной подделкой. Во время проверки я не сверила силовые пластины после ночного хранения у цехового сборщика, хотя мастер прямо заявила о подмене. Я приняла целостность пломб за доказательство целостности содержимого. Моё заключение лишило Сету Гран заказа, мастерской и права на знак. Вывод о неработоспособности проверенных колокольцев верен для состояния вещей в день испытания. Вывод о вине мастера не доказан и был сделан мной без достаточной проверки».

Ратен прочёл через плечо.

— Не прячьтесь в последней фразе.

— Где прячусь?

— «Был сделан без проверки». Кем сделан?

Мира зачеркнула и написала: «Я обвинила мастера без достаточной проверки».

Вокруг уже собирались люди. Палата жила слухом быстрее, чем бумагой. Двое молодых охотников остановились на крыльце. Один узнал Миру и побежал внутрь, вероятно за старшим.

— Теперь действие, — сказала Сета.

Мира разрезала шнур своего старого оттиска на футляре.

Свинцовая лента не поддалась. Она была впаяна в медный обруч, а замок за шесть лет закис. Мира взялась щипцами и потянула. Металл лишь врезался в кожу.

— Печать Палаты снимает Палата, — сказал вышедший на крыльцо писец. — Подайте прошение.

— Печать моя.

— Оттиск ваш. Взыскание Палаты.

— Оно наложено из-за моего заключения.

— Отменённого решения нет.

— Сейчас будет.

Писец перегородил дверь.

— Решения принимает старший проверяющий.

— А ошибку совершила я.

— Тем более не можете сама отменить.

Людей стало больше. Красильщики шли на утреннюю смену и задерживались у ступеней. Торговки вытягивали шеи из-за корзин. Мира увидела знакомое лицо молодого охотника, который учился по её заключению о Детской чаше. Он смотрел так, будто одна из стен Палаты начала крениться.

Мира поднялась на верхнюю ступень.

— Сета Гран, — сказала она громко. — Шесть лет назад я обвинила вас в изготовлении опасной подделки. Я проверила действие вещей, но не проверила сохранность источника силы после ночи у сборщика. Вы предупредили меня о подмене. Я не стала искать подтверждение, потому что целые пломбы и заключение цеха показались мне достаточными. Из-за моего решения вы потеряли заказ, мастерскую и право на знак.

В толпе кто-то спросил:

— А колокольцы были настоящие?

— Я не могу этого доказать, — ответила Мира. — Потому что позволила уничтожить их прежде, чем повторно исследовала пластины.

Вот она, самая тяжёлая часть. Не неверный вывод. Утраченное доказательство.

— Что исправишь? — спросила Сета.

Мира посмотрела на футляр.

— Сниму свою печать. Добьюсь возврата права на знак без новой платы. Опубликую это признание рядом со старым заключением. Проверю учёт сборщика и найду, куда ушли ваши пластины.

Тепло возникло под рёбрами, быстрое и болезненное. Оно не было похоже на жар кузницы. Скорее Мира вдохнула слишком много холодного воздуха, и теперь грудь распирало изнутри. По пальцам прошли белые линии.

Толпа отступила.

— Теперь открывайте, — сказал Ратен.

Мира схватила свинцовую ленту. Та стала мягкой под пальцами, хотя не нагрелась. Мира потянула. Припой вырвался из обруча длинной серой нитью. Замок всё ещё держал.

Сета протянула ключ.

Ключ вошёл, но не повернулся.

— Ржавчина, — сказал писец с явным удовлетворением. — Теперь подавайте прошение на повреждение казённой печати.

Мира навалилась сильнее. Белые линии поднялись до локтей. Внутри замка что-то хрустнуло. Ключ повернулся на четверть, потом ещё. Крышка приподнялась.

Из щели пахнуло маслом, пылью и старым углём.

Сила исчезла так резко, что Мира ударилась коленом о ступень. Ратен поймал крышку, не дав ей захлопнуться.

В футляре лежали молотки, оправки, резцы, мотки тонкой проволоки. Каждая вещь была завернута в промасленную ткань. Камней действительно не было. В нижнем отделении темнели три пустых гнезда в форме колокольцев.

Сета провела ладонью по инструментам. Не заплакала, не улыбнулась. Взяла маленький чеканочный молоток и проверила ногтем боёк.

— Ржавчина пошла, — сказала она.

— Можно очистить, — ответил Ратен.

— Можно.

Старший проверяющий появился в дверях. Это был Варс Лемет, сухой мужчина с чёрной лентой на воротнике. Он руководил Палатой до возвышения Савела и считал любое громкое событие личным оскорблением.

— Лест, ко мне, — сказал он.

— После того как запись окажется на доске.

— Немедленно.

— Тогда говорите здесь.

Варс увидел толпу, открытый футляр и белые следы, ещё не погасшие на руках Миры.

— Вы сняли взыскательную печать без решения?

— Сняла свой оттиск с имущества, удерживаемого из-за моего ошибочного заключения.

— Решение не признано ошибочным.
Мира протянула лист.

Варс прочитал. Его лицо менялось медленно: сначала раздражение, затем тревога, потом деловая пустота.

— Вы понимаете, что ставите под сомнение все приёмки, на которых вещи ночевали у сборщиков?

— Да.

— Их сотни.

— Значит, сомнение большое.

— У вас нет доказательств подмены.

— Поэтому я не объявляю подмену доказанной. Я объявляю доказанной свою ошибку: не проверила после хранения и обвинила мастерицу.

— Словесная ловкость не вернёт деньги красильщикам.

— Сета вернула их сама.

Старший взглянул на мастерицу.

— Долг за хранение остаётся.

— За хранение имущества, которое Палата удерживала на основании моего заключения, — сказала Мира. — Запишите семь ларов и две восьмушки на моё вознаграждение за следующие проверки.

— Ваше право ограничено тремя делами. Вознаграждения не будет.

— Тогда на мой личный долг.

Сета захлопнула футляр, не закрывая замок.

— Не надо.

— Я обещала исправить.

— Исправить — не значит купить моё прощение. Верни знак. Деньги Палате я выплачу, когда снова смогу работать мастером.

Варс хотел возразить, но Сета развернула футляр. На боковой стенке виднелось выжженное клеймо мастера: круг, перечёркнутый тремя волнистыми линиями. Поверх него шла царапина отмены.

— Право на знак возвращает цех, — сказал Варс.

— Право отняла Палата, — ответила Сета. — Цех только подобрал мою мастерскую.

Мира посмотрела на Ратена.

— Знак можно восстановить?

— Царапина неглубокая. Заполнить серебром и повторно заверить.

— Заверьте как свидетель проверки.

— У меня нет права старшего.

— У вас есть имя независимого чеканщика в моём допуске.

Ратен понял. Дощечка Савела разрешала Мире привлекать одного чеканщика к трём делам. В ней не говорилось, что свидетель может лишь смотреть.

Он достал резец. Сета положила футляр на ступень, клеймом вверх. Ратен расчистил царапину, расплющил в ней кусочек серебряной иглы и несколькими точными ударами вернул кругу целую линию. Рядом поставил свой знак — маленькую открытую скобу.

— Свидетельствую, что отмена мастерского знака опиралась на неполную проверку источника силы, — произнёс он. — До нового решения знак считается спорным, а не недействительным.

— Такой ступени нет в правилах, — сказал Варс.

— Теперь есть на металле, — ответил Ратен.

Толпа засмеялась. Не громко, но Варс услышал.

Он отдал лист писцу.

— Повесьте до разбора. С пометкой «оспаривается Палатой».

— И новое заключение по Детской чаше, — сказала Мира.

— Это отдельное дело.

— Та же ошибка проверки источника.

Варс взял второй лист. Когда прочитал строку о скрытой жиле, его пальцы сжали бумагу.

— Вы перекрыли городской провод?

— Только обратный сбор.

— Без разрешения хранилища?

— С разрешением печати на девять оставшихся дней.

— Савел узнает.

— Для того и доска.

Оба листа прибили рядом. Молоток писца стучал неровно. С каждым ударом Мира чувствовала, как часть её привычной жизни отделяется и остаётся на дереве. Молодые охотники читали имя Сеты, затем смотрели на Миру. Красильщики спорили, можно ли требовать пересмотра старых приёмов. Один заказчик вытащил из сумки сложенное заключение с печатью Лест и перечитал его на свет.

Сила больше не появлялась. Сделанного хватило для футляра, но не для репутации. Репутацию нельзя было открыть одним рывком и вернуть владелице.

— Теперь довольны? — спросил Варс.

— Нет.

— Хорошо. Значит, понимаете последствия.

Он ушёл внутрь.

Сета подняла футляр. На этот раз Ратен не предложил помощи.

— Где были ваши колокольцы до проверки? — спросила Мира.

— В приёмной цеха на улице Гончаров. Сборщик — Клев Арш. Умер три года назад.

— Кто принял его книги?

— Савел. Кто же ещё.

— Номера пластин помните?

Сета назвала три длинных номера без запинки. Мира записала.

— Один начинался знаком раскрытой ладони? — спросил Ратен.

— Все три. Тогда так помечали добровольный остаток.

Раскрытая ладонь. Такой отпечаток они нашли под новой пломбой на проводе Детской чаши.

— Что это за знак? — спросила Мира.

Ратен посмотрел на окна Палаты.

— Старый допуск главного хранилища. Его ставили на вещи, из которых сила могла только выходить. Потом Савел заменил ладонь закрытым кулаком и объявил старые пломбы негодными.

— Но на чаше жила двусторонняя.

— Поэтому старую пломбу и спрятали.

Сета внимательно смотрела на него.

— Ты всё-таки видел хранилище изнутри?

— Только дверь.

— Ложь.

— Мира не умеет распознавать ложь. Не портите мне удобство.

Сета впервые улыбнулась по-настоящему.

— Жар говорил так же. Пока был жив.

Ратен отвернулся.

Мира убрала запись номеров в футляр.

- Мне нужно найти книги Клева Арша.
- Они в цехе, — сказал Ратен.
- Тогда начнём с копий в Палате.
- После этого представления вам ничего не дадут.
- Дадут. Моё право на три дела никто не отменил.
- Пока.

Сета поправила ремень большого футляра.

— Копии не ищи по имени Клева. В тот год сборы записывали на принимающую мастерскую. Моя стояла под номером сорок восемь, красильный ряд. Если страницу вырвали, смотри итог месяца: три меры должны исчезнуть между приёмкой и установкой цеховых колокольников.

— Почему вы не искали сами?

— Искала. Меня не пустили дальше лестницы. У меня не было печати.

Она посмотрела на знак Миры.

— Пользуйся, пока есть.

Сета ушла к красильному ряду. Футляр бил её по бедру, но шаг с каждым ударом становился увереннее.

Мира осталась перед доской. Ветер шевелил два листа. На одном её имя девять лет означало достаточное доказательство. Теперь оно означало ещё и обязанность пересмотреть сказанное.

- Вы потеряли заказчиков, — заметил Ратен.
- Возможно.
- Старший Палаты потребует разбор всех ваших заключений.
- Пусть.
- Савел использует это против дела Лина.
- Использует.
- И всё же вы выглядите так, будто выиграли спор.

Мира коснулась ладони. После силы пальцы дрожали, суставы ныли. Перед глазами стоял пустой ряд гнезд в футляре Сеты.

- Я шесть лет думала, что признать ошибку значит отдать врагу оружие, — сказала она.
- Оказалось, оружие всё это время лежало у него. Я просто отказывалась смотреть.

Ратен развернул оставшуюся лепёшку и разделил пополам.

— Тогда поедим перед тем, как вы отдадите ему ещё что-нибудь.

Они сели на нижнюю ступень. В Палате над ними уже шуршали книгами. Писцы искали дело Сеты Гран, приёмку дымных колокольников и, возможно, основания лишить Миру допуска до полудня.

Она ела быстро.

У неё оставалось девять дней, три номера пропавших признаний и печать, которая впервые стала легче именно после того, как под ней появилось публичное слово «ошибка».

Глава 7. Лавка чужого стыда

Книги Клева Арша оказались целы ровно там, где никому не мешали.

В Палате Мира выдали четыре тяжёлых тома приёмок, два журнала взысканий и тонкую книгу месячных итогов. Писец принёс всё это на отдельный стол у окна, пересчитал листы и привязал каждый корешок к столешнице шнуром. Длины шнура хватало, чтобы раскрыть книгу, но не поднести страницу к свету.

— Приказ старшего Лемета, — сказал писец. — После утреннего происшествия документы из рук не выпускать.

— Я и утром не ела бумагу.

— Утром вы ели полномочия Палаты.

Ратен поставил на край стола жестяную кружку.

— У неё от них изжога. Не беспокойтесь.

Писец неодобрительно посмотрел на кружку, на Ратена и особенно на восстановленный серебром знак Сеты, отпечатавшийся серой пылью на его рукаве. Потом ушёл к своему месту, но остался сидеть так, чтобы видеть их между шкапами.

Мира открыла книгу приёмок за нужный месяц. Мастерская сорок восемь стояла между красивейшей поясов и литейщиком дверных ручек. Запись занимала полторы строки: три дымных колокольца, двенадцать пластин, добровольный остаток, проверка действия после ночного хранения. Ни номеров пластин, ни имени Сеты. В графе результата — «не держат дым». Под записью стоял её собственный оттиск.

Шесть лет назад ей хватило этих слов.

Теперь они выглядели не краткими, а обрубленными.

— Здесь должна быть ссылка на книгу сборщика, — сказал Ратен.

Мира провела ногтем по полю. У сгиба виднелся хвостик цифры, срезанный ножом вместе с верхним слоем бумаги.

— Была.

— Докажете, что не чернильная клякса?

— Нет. Поэтому пойдём в месячный итог.

В итоговой книге цифры сводились не по мастерам, а по мерам силы. Клев принял за месяц двести шестнадцать мер добровольного остатка, передал в малые мастерские сто девятью четыре, списал как рассеянные семь. Оставалось пятнадцать. Рядом другой рукой было приписано: «Выдано на очистку улицы Гончаров после пожара».

— Пожар был? — спросила Мира.

— Был дождь, — ответил Ратен. — Я тогда жил над литейней. Так лило, что мы сушили уголь в спальне. Для пожара выбрали неудачный день.

Мира перелистнула журнал городских расходов. В тот месяц улицу Гончаров не очищали. Зато через два дня после итоговой записи Палата приняла три цеховых колокольца для карательных башен. Каждому требовалось по пять мер. Источник был обозначен двумя буквами: «Л. Ч.».

— Литейная часть? — предположила Мира.

— Личный чекан?

— Лишнее чудо.

Ратен наклонился ближе. От него пахло угольной пылью и лепёшкой с луком.

— Лавка Чирь.

Мира подняла голову.

— Что это?

— Ничего. Я ошибся.

— Тогда признайте ошибку точнее. Вдруг получите силу захлопнуть рот.

Писец за шкафами кашлянул.

Ратен подвинул кружку так, чтобы она закрыла приписку от чужого взгляда.

— Лавка чужого стыда, — сказал он тихо. — Так называли место, где Клев покупал признания без ожидания. Человек говорил, получал деньги сразу, пластину забирали сразу. Ему не нужно было искать пострадавшего, чинить крышу, возвращать украденное или ждать, пока последствие вообще можно исправить.

— Это не работает.

— Для человека — почти нет. Для хорошего сборщика — работает достаточно.

— Сила появляется только ради исправления.

— Появляется, когда исправление возможно. Никто не обещал, что его совершит тот, кто признался.

Мира вспомнила пластинку Нарвы Гис, спаянную со второй в миг признания. Часть силы ушла в сторону прежде, чем Нарва донесла дочь до лекаря. Сборщик не создавал силу. Он подставлял под неё желоб.

— Где лавка?

— Я сказал, что её так называли.

— Где?

Ратен посмотрел на писца, потом на шнуры, которыми книги были привязаны к столу.

— За рыбным двором была баня для извозчиков. Чира держала там шкафчики для одежды. Это было до смерти Клева.

— Вы продавали ей признание?

— Нет.

— Покупали?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Чеканил пластинки.

Он сказал это без улыбки. На его пальцах лежали вьевшиеся тёмные полосы, и Мира впервые подумала, сколько чужих признаний прошло через эти руки до того, как он стал чинить кастрюли и пряжки.

Она переписала итоговые числа на лист, указала номера страниц и попросила писца заверить копию. Тот долго сверял каждую цифру, словно надеялся, что пятнадцать мер устанут ждать и исчезнут. Потом поставил маленькую служебную печать.

— Книги остаются здесь.

— На то и шнуры.

— Ваш допуск не разрешает посещение городских бань в ходе проверки.

— В нём не перечислены и отхожие места. Но иногда расследование требует широты.

Писец покраснел. Ратен забрал кружку, и они вышли прежде, чем широта стала предметом отдельного постановления.

Рыбный двор находился у нижнего канала, где вода всегда пахла чешуёй, мокрой верёвкой и железом. К полудню торговля заканчивалась. Прилавки скребли песком, чайки дрались за внутренности в сточных желобах, а грузчики смывали кровь с камней короткими вёдрами воды. За двором теснились дома без вывесок. Пар от прачечных стлался между крышами.

Старую баню Мира узнала по каменному карпу над дверью. Карп лишился хвоста, а вместо банной ветки под ним висел медный ключ. На двери было написано: «Хранение вещей. Сухо. Тайно. Недорого».

— Очень утешительно, — сказала Мира. — Особенно последнее слово.

— Если увидите Чиру, не называйте её старой.

— Она старая?

— Уже шесть лет назад могла убить за этот вопрос.

Внутри было теплее, чем на улице. Вдоль стен стояли деревянные шкафчики с железными дверцами. Между ними сохранились банные скамьи, отполированные множеством тел. За стойкой сидела женщина в зелёной косынке и считала ключи. Лицо у неё было гладкое, почти без морщин, но пальцы распухли в суставах.

— Вещи сдаёте или забираете? — спросила она.

— Ищем записи Клева Арша, — ответила Мира.

Женщина не вздрогнула. Только один ключ перестал звенеть о другой.

— Покойники у меня шкафчиков не держат.

Мира показала знак проверяющей.

— Три цеховых дела. Одно касается пятнадцати мер силы, проведённых как очистка после пожара, которого не было.

— Значит, ищите пожар у того, кто его придумал.

— Вы Чира?

— А ты Лест. Сегодня всё утро говорят, как ты вскрыла чужой футляр и решила стать честной задним числом.

— Футляр был не чужой.

— Честность, значит, ещё не вся пришла.

Ратен положил на стойку медную пуговицу. Не плату — просто что-то, чем можно занять руки.

— Чира, нам не нужны имена продавцов.

— Тогда вам ничего не нужно. Здесь всегда были только шкафчики.

— Клев забрал у Сеты Гран двенадцать пластин. Три пропали между приёмкой и установкой цеховых колокольников.

Чира взглянула на Ратена.

— Ты эти пластинки чеканил?

— Возможно.

— Значит, опять пришёл узнать, кто говорил над твоим металлом.

— На этот раз хочу узнать, куда ушло сказанное.

— Туда же, куда всё сказанное. К тому, кто больше платит.

Из-за дальней перегородки вышел худой мужчина в промокшем кафтане. Он прижимал к груди полотняный мешок. Увидев знак Миры, остановился.

Чира протянула ему ключ.

— Семнадцатый. До вечера.

Мужчина прошёл к шкафчикам, открыл дверцу и спрятал мешок. Мира услышала звон стеклянных банок.

— Обычное хранение, — сказала Чира. — Людям в бедных домах негде оставить товар, одежду, инструмент. Муж пропивает. Хозяйка отбирает в счёт платы. Дети разобьют. Я даю дверь и ключ.

— И комнату для признаний?

— Бывшую парную сдаю тем, кто платит.

— Кто платит сейчас?

— Спроси у него.

Она кивнула на боковую дверь. За ней кто-то говорил — медленно, с паузами, повторяя фразы за другим голосом.

«Я оставила котёл без воды».

Тишина.

«Из-за этого лопнуло дно».

Тишина.

«Чтобы исправить, я должна...»

Женский голос оборвался.

Другой, мужской, подсказал:

— Купить хозяйке новый котёл.

— Не должна, — сказала женщина за дверью. — Она вычла два котла.

— Тогда не будет полной записи.

— Вы обещали восемь восьмушек.

— За полную.

Мира толкнула дверь.

Бывшая парная была разделена занавесками на три тесные клетки. В первой за столом сидел сборщик в сером сюртуке. Перед ним лежала тонкая оловянная пластинка, соединённая проводом с керамической бутылкой. Напротив стояла прачка с красными, потрескавшимися руками. У её ног дремала девочка лет пяти.

Сборщик прикрыл пластинку ладонью.

— Частная запись.

— Покажите разрешение.

— Покажите основание проверки.

Мира положила перед ним копию месячного итога. Он скользнул взглядом по печати Палаты.

— Я не Клев Арш.

— Это заметно. Он умер.

— Тогда вопросы к нему.

— Как вас зовут?

— Ден Арш.

Не сын — слишком молод. Племянник или дальний родич, сохранивший фамилию как торговый знак.

Прачка потянула девочку к себе.

— Я ничего не украла.

— Я не спрашивала, — сказала Мира.

— Мне сказали, всё законно.

— Возможно. Вы знаете, для какой вещи записывают вашу ошибку?

Женщина посмотрела на Дена.

— Для исправления котла.

— Котёл уже заменили?

— Хозяйка вычла из жалованья.

— Тогда что вы должны исправить?

— Купить другой.

— Кому?

— Не знаю.

Ден встал.

— Проверяющая мешает добровольной сделке. Чира!

— Я слышу, — отозвалась хозяйка из-за двери. — Дверь не ломайте.

Мира взяла со стола лист договора. Ден попытался прижать его локтем, но Ратен поставил рядом жестяную кружку и случайно разлил воду. Ден отдернул рукав. Мира подняла мокрый лист.

— «Продавец передаёт распорядителю возникающий остаток силы для использования в дозволенных городских изделиях», — прочитала она. — Перечень изделий где?

— В цеховом допуске.

— У продавца есть копия?

— Ей не нужна копия допуска.

— Ей нужно знать, на что она согласилась.

Прачка крепче сжала плечо дочери.

— Вы говорили, котлы, — сказала она Дену.

— Я сказал: бытовые изделия.

— Сказал, у богатых котлы лопаются не реже наших.

— Это пример.

Мира дочитала мелкие строки. Продавец отказывался от права требовать сведения о владельце реликвии, сроке хранения силы и повторной продаже носителя. Исправление последствия оставалось обязанностью продавца, но плата сборщика не засчитывалась в возмещение вреда.

— Вы получите восемь восьмушек, — сказала Мира женщине. — Сколько вычли за котёл?

— Три лара.

— После продажи вы всё равно будете должны три лара хозяйке. А сила уйдёт в вещь, которую вам не назовут.

— Она уже вычла.

— Тогда последствие исправлено деньгами. Для чего Ден заставляет вас обещать ещё один котёл?

Ден отнял лист.

— Если исправлено, записи не будет. Мы проверяем возможность остатка.

— Вы не проверили. Вы дали ей слова.

— Она может отказаться.

— Могут? — спросила прачка.

— Конечно. Пока не поставила знак.

— А за время?

— В договоре сказано: две восьмушки за подготовку пластинки.

Женщина закрыла глаза. Девочка потянула её за юбку.

— Мама, есть хочу.

Прачка достала из кармана три медяка, пересчитала и положила обратно. До двух восьмушек не хватало.

— Я договорю, — сказала она.

— Не надо обещать чужой котёл, — сказала Мира.

— А вы дадите мне восемь восьмушек?

Мира замолчала.

У неё самой оставались деньги Оршана, предназначенные на еду и лекарства Лину. Можно было заплатить этой женщине, но за занавеской ждали ещё люди. Один кошель не закрывал лавку, а лишь делал Миру покупательницей первого удобного облегчения.

— Нет, — сказала она. — Но я могу проверить, вправе ли с вас брать плату за запись, которую сборщик не завершил.

— Пока проверите, хозяйка выставит нас из комнаты.

Это было сказано без упрёка. Оттого прозвучало хуже.

Ден сел и вытер пластинку рукавом.

— Видите? Я не тащу её с улицы. Я даю деньги сегодня. Цех получает силу когда-нибудь. Никто не обещает справедливость, только цену.

— Вы не называете товар.

— Товар — остаток.

— Остаток чего?

— Её ошибки.

— Нет. Возможного исправления. Ошибку она оставляет себе вместе с долгом хозяйке.
Ратен поднял керамическую бутылку и посмотрел на свет. Внутри белела спиральная жила. Возле пробки стоял знак закрытого кулака.

— Куда подключена вторая сторона? — спросил он.

— Никуда.

— Тогда почему горлышко тёплое?

Ден выхватил бутылку.

— Не трогайте имущество.

— Я его делал, — сказал Ратен.

— Такие делали десятки чеканщиков.

— Десятки ставили шов под донышко. Я ставил сбоку, потому что был ленив и не хотел переворачивать заготовку. Вот он.

Ратен показал ногтем едва заметную линию.

Мира услышала изменение в его голосе. Не гордость мастера и не удовольствие от верного наблюдения. Он только что узнал вещь, о которой предпочёл бы солгать.

— Для кого вы её сделали? — спросила она.

— Для Клева. Двадцать штук. Он сказал, что собирает слабые остатки, которые иначе рассеиваются.

— Вы поверили?

— Не спросил.

Белых линий на его руках не появилось.

— Это не всё, — сказала Мира.

— Не время.

— Именно время. Иначе вы опять оставите половину признания в чужой бутылке.

Ден усмехнулся.

— Хороший помощник у охотницы. Сам снабжал лавку, теперь изображает совесть.

Ратен поставил бутылку на стол.

— Я видел, что у некоторых сосудов две жилы. Понял, что Клев снимает силу в миг записи, до исправления. За двужильные платили втрое. Я делал их два года.

За занавеской перестали шептаться. Чира тоже вошла в парную и встала у двери.

— Что исправишь? — спросила Мира.

— Узнаю, куда ведёт жила.

— Слишком удобно.

— Назову все сосуды, которые помню. Сниму второй провод с этого. Предупрежу людей здесь, что их сила уходит сейчас, а не после исправления.

Тепло не появилось.

Ратен сжал челюсти.

— И верну плату за двужильные сосуды.

— Кому? Клеву?

— Тем, чьи записи найду.

Белая линия вспыхнула на большом пальце и дошла до запястья. Слабо, но достаточно.

Ден схватил бутылку. Ратен удержал провод двумя пальцами. Они потянули в разные стороны. Керамика звякнула о край стола.

— Отпустите, — сказал Ден. — Сломаете запись.

— Она ещё не поставила знак.

— В сосуде подготовительная сила.

— Чья?

Ден не ответил.

Ратен дёрнул провод. Обычно тонкая серебряная жила порезала бы кожу. Теперь она подалась, словно мягкая нить. Из пробки вышел длинный двойной зубец. Один конец был чистым. На втором чернел засохший воск с оттиском цехового кулака.

За стеной что-то загудело.

Не в комнате — глубже, под полом.

Девочка заплакала. Прачка подняла её на руки.

— Что там? — спросила Мира.

Чира отступила от двери.

— Старый слив парной.

— В сливе не гудит сила.

Пол под столом был закрыт широким ковриком. Мира откинула его. В досках виднелась железная дверца, а в ней — гнезда для десятка проводов. Восемь были подключены. Девятое только что опустело.

Все жилы уходили в кирпичный канал прежней печи.

— Куда выходит канал? — спросила Мира.

— На улицу, — сказала Чира.

Ратен опустился на колени и приложил ладонь к кирпичу.

— Нет. Здесь новый поворот. Кладка моложе стены.

Ден заслонил дверцу.

— У вас нет права вскрывать дом.

— У меня есть право проверить источник силы в трёх цеховых делах.

— Эти записи к ним не относятся.

Мира достала номера пластин Сеты.

— Тогда покажите журнал и докажите.

Ден посмотрел на Чиру.

Та выругалась, сняла с пояса связку и бросила на стол маленький чёрный ключ.

— Шкаф под полотенцами. Забирай свои книги и уходи, — сказала она Дену. — Я сдавала комнату, а не подпол под всем домом.

— Вы знали о проводах.

— Знала, что идут наружу.

— Не спрашивали куда?

— Здесь люди платят за то, чтобы я не спрашивала.

— И вы считаете это достаточным?

Чира перевела взгляд на очередь за занавеской.

— Я считаю монету достаточной за дверь, лавку и молчание. Не называю это чудом.

В шкафу под полотенцами лежали три книги. Новая — с ровными страницами и печатью действующего разрешения. Вторая — потрёпанная, начатая за год до смерти Клева. Третья оказалась не журналом, а связкой отдельных листов, сшитых через угол.

Мира нашла фамилию Гран не сразу. Сета была записана как владелица изделий, а продавцы признаний — только номерами. Три нужные пластины приняли по пять мер каждая. Возле каждой стояли буквы «Л. Ч.», затем новый номер цеховой вещи.

— Цеховые колокольцы, — сказал Ратен.

— Не все.

Первая пластина ушла в колокол северной караульни. Вторая — в такой же колокол у речных ворот. Третья была приписана к «чаше детской, запасной провод».

Мира перечитала строку.

— Детская чаша получила силу Сеты?

— Не Сеты. Её колокольцев. А признания принадлежали трём другим людям.

Их имён в книге не было. Только номера продавцов и короткие описания.

Один не закрепил ставню, и она ударила прохожего. Вторая оставила младенца у печи и обожгла ему руку. Третий разбавил известь, из-за чего осыпалась стена.

Рядом стояла цена: шесть восьмушек, один лар, пять восьмушек.

Мира почувствовала холод, хотя в бывшей парной было душно.

— Матери, — сказала она. — Для чаши выбирали признания о вреде детям.

— Чтобы след соответствовал обещанию, — ответил Ратен. — Проверяющий видит родственную боль и считает источник честным.

— Я видела.

Четыре года назад она приложила щуп к Детской чаше. След был тёплым, заботливым, направленным на снятие жара. Она решила, что его оставили родители больных детей добровольно. Не спросила, знали ли эти родители о чаше. Не проверила, исправили ли именно их вред. Чужой стыд был подобран по сходству, как ткань для заплаты.

Прачка заглянула в книгу через её плечо.

— Там есть мой номер?

— Какой?

Женщина показала договор. Номер стоял под местом для знака.

В новой книге напротив него уже было написано: «Котёл, вред дому; годно для печных берегов и лечебных грелок». Цена перепродажи — две меры, четыре лара.

Ей обещали восемь восьмушек.

— Я ещё не сказала, — прошептала она.

— Вас уже продали, — ответила Мира.

Ден бросился к книге. Мира захлопнула её и прижала локтем.

— Это предварительный список спроса, — сказал он. — Обычная торговля. Если записи не будет, поставка отменяется.

— Покупатель знает, чью ошибку получит?

— Номер и вид.

— А продавец знает покупателя?

— Нет.

— Почему только одна сторона имеет право знать?

— Потому что платит она.

Прачка поставила дочь на пол.

— Я тоже плачу.

— Вы получаете деньги.

— Я плачу тем, что сказала бы хозяйке, а не вашим людям.

Она забрала со стола договор. Ден протянул руку.

— Две восьмушки за подготовку.

— Возьмите из четырёх ларов, за которые уже продали.

Женщина разорвала лист пополам. Никакой силы не возникло. Это не было признанием ошибки, только отказом продолжать чужую сделку.

За занавесками задвигались остальные. Первым вышел седой носильщик.

— Мой номер найдите.

Потом девушка с перевязанной кистью.

— И мой.

Ден отступил к стене.

— Договоры добровольные. Каждый может уйти.

— После платы за подготовку, — сказала Мира. — После того как вы внесли его ошибку в список для покупателей. После того как назначили цену в восемь раз выше. После того как скрыли провод, который забирает силу в миг признания.

— Наценка не запрещена.

— Ложное обещание запрещено. Вы обещаете человеку продажу остатка после исправления, а продаёте возможность снять силу до него. Это поддельное чудо, даже если пластина настоящая.

Она вынула третью дощечку Савела и положила на книгу.

— Объявляю сосуды и журнал частью проверки Детской чаши. До разбора Палаты записи остановлены.

Ден рассмеялся.

— Ваша печать действует на вещи цеха, а не на людей.

— Поэтому людей я не запираю. Запираю сосуды.

Мира повернулась к Чире.

— Есть шкаф, куда поместятся книги и бутылки?

— Двенадцатый.

— Сухо, тайно, недорого?

— Для Палаты дорого.

— Запишите на мой личный долг.

— Нет, — сказал Ратен.

Мира посмотрела на него.

— Вы уже обещали Сете чужие деньги, — продолжил он. — Эти сосуды сделал я. Хранение запишите на возврат моей платы.

— Вашей платы не хватит.

— Тогда на долг моей мастерской.

Чира назвала сумму. Ратен не спорил. Они перенесли в двенадцатый шкаф девять бутылей, старую и новую книги. Связку листов Мира оставила себе как относящуюся к трём пропавшим пластинам, но каждый лист пересчитала при Чире и Дене. Дверцу заперли двумя ключами: один взяла Чира, второй Мира опечатала своим третьим оттиском.

Печать потемнела на воске. Теперь все три дела были открыты, и нового права Савел ей не даст.

Очередь разошлась не сразу. Люди требовали свои номера. Мира переписала их на обороте копии Палаты и напротив каждого оставила место для ответа: кому предложена запись, какое чудо названо покупателю, снята ли сила заранее. Ден отвечать отказался.

Прачка назвалась Эной Варк. Дочь — Тиша. Мира записала и это.

— Что мне теперь сказать хозяйке? — спросила Эна.

— Правду о том, что котёл уже оплачен вычетом. Если она требует второй, приходите в Палату взысканий.

— Они меня пустят?

Мира подумала о Сете, шесть лет простоявшей не дальше лестницы.

— Не знаю. Я буду там утром и встречу у двери.

Это обещание было маленьким и неудобным. Именно поэтому его следовало выполнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.